В. Д. Горячева

ГОРОД ЗОЛОТОГО ВЕРБЛЮДА

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. Д. Горячева

ГОРОД ЗОЛОТОГО ВЕРБЛЮДА

(Краснореченское городище)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»
ФРУНЗЕ 1988

Работа написана на основе изучения памятников археологии Северной Киргизии. Особое внимание автор уделяет находкам с Краснореченского городища (Чуйская долина). Занимательно и доходчиво написанный текст раскрывает суть памятников старины, рассматриваемых как источники по истории материальной и духовной культуры раннефеодального города. Данные археологии дополняются сведениями древних и средневековых источников о жизни городов, Великом шелковом пути, о расселении племен и народов, их обычаях, нравах, культах и обрядах. Автором вводятся новые научные данные по объектам исследования: храмовой архитектуре, погребальным комплексам городского некрополя, ремесленному производству, исторической топографии оседлых поселений долины.

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей и археологией Средней Азии.

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории
и принято РИСО АН Киргизской ССР

Отв. редактор: *В. М. Массон,* доктор исторических наук, профессор, член-кор. АН ТССР

Рецензенты: *Г. А. Кошеленко,* доктор исторических наук, профессор; *К. И. Петров,* кандидат исторических наук

© Издательство «Илим», 1988 г.

Светлой памяти моего учителя
профессора Михаила Евгеньевича
МАССОНА

посвящается

«КПСС придает большое значение более полному и глубокому освоению трудящимися массами богатств духовной и материальной культуры, активному приобщению их к художественному творчеству. Последовательно руководствуясь ленинскими принципами культурного строительства, партия будет заботиться об эстетическом воспитании трудящихся, подрастающих поколений на лучших образцах отечественной и мировой художественной культуры»

(Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция)

ПРЕДИСЛОВИЕ

У каждого народа — своя история, своя культура, в чем-то общая с другими народами, а в чем-то самобытная и неповторимая. Многовековая история киргизов имеет свои особенности, а истоки материальной и духовной культуры кроются в глубине веков. Она создавалась не изолированно, а в постоянном взаимодействии с культурами соседних стран и народов. Со своей стороны, предки киргизского народа внесли определенный вклад в историю мировой цивилизации.

Древнейшие и древние страницы этой истории написаны на основе разнообразных памятников археологии. Об археологии пишут много, сенсациями заполнена не одна страница «развлекательных» разделов периодической печати, телепередач, научно-популярных и даже художественно-хроникальных фильмов. Археология стала

одной из популярнейших наук. Лет двести-сто тому назад занятия археологией не считались серьезным делом. Романтичным — да! Развлекательным — да! Даже иногда прибыльным. Но наука ли это?..

Впрочем, научный статус археологии давно уже доказан в научной и популярной литературе. Не будем повторяться. Скажем лишь, что археология — сравнительно молодая отрасль исторических знаний и выделилась в самостоятельную науку немногим более 100 лет тому назад. Археологов в шутку называют «историками, вооруженными лопатой».

Да, романтики много в нашей профессии: и звездный купол темного неба, и древние тропы, и песни у костра, и радость первооткрывателя. Но это еще и тяжелая физическая работа, дальние дороги, трудности жарких местностей или высокогорья, когда ночи приходится коротать порой в промозглой сырости, вместе с комарами и москитами, а день работать под палящим солнцем, ежечасно «умирая» от жажды...

Современная археология сложна и многогранна. Археолог должен иметь узкую специализацию и широкий кругозор. Он, как правило, совмещает работу полевого исследователя и кабинетного ученого: все, что раскопано, надо осмыслить, классифицировать, обобщить на основе всестороннего анализа вещественных находок и наблюдений на месте. Как археолог понимает найденные им вещи, осмысливает и толкует заключенное в них содержание? — это кардинальный вопрос науки. Потому что научный вывод зависит от мировоззрения исследователя, его методологической вооруженности. Например, два специалиста — представителя разных идеологий — иной раз по-разному смотрят на одну и ту же вещь, дают ей разное объяснение. Особенно это касается предметов, имеющих культово-религиозное происхождение или относящихся к духовному творчеству.

Так, служители культа или просто верующие ученые (а таких за рубежом немало) исходят из божественного происхождения всего мира, объясняют сущность того или иного предмета извечностью религии. Существует и так называемая церковная археология: фальсифицируя различные археологические находки, церковники стремятся придать археологии видимость научной дисциплины.

Ученый-марксист утверждает, что предмет материальной культуры мог возникнуть только в процессе трудовой деятельности, как и художественное творчество, а религия—лишь одна из форм общественного сознания, возникшая на заре развития человечества. Историк-марксист выводит свои умозаключения прежде всего основываясь на данных своей науки и других общественных дисциплин, в соответствии с марксистско-ленинской методологией. Источник любой религии—не сверхъестественное чудо, не воля отдельных личностей и не сверхслучай, а вполне объяснимые и закономерные общественные процессы. Фантастическое мировоззрение ученый-марксист считает антинаучным и по своему содержанию ложным.

И все-таки, чтобы понять отдаленную от нас эпоху, жизнь предков во всем ее многообразии, необходимо познать его мышление, характер действий, ценности и идеалы. А они, в свою очередь, были продиктованы определенными морально-нравственными устоями общества, писаными или неписаными законами, традициями, которые обязательно накладывали отпечаток на все то, что производил человек в процессе творчества.

В арсенале буржуазной науки есть еще и такие «концепции», как «извечная отсталость низших рас» и «гегемонизм», смысл которых заключается в утверждении, что один народ всегда господствовал над другим и так должно быть вечно. Так было от сотворения мира,

поэтому якобы неизбежны войны, насилия, завоевания и т.д.

Таким образом, перед археологом стоит задача воссоздать на основе вещественных памятников древнейшие страницы истории во всей сложности, противоречивости жизненных процессов. Поэтому он должен быть вооружен не только лопатой, но и марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях, разбираться в далеком прошлом и в политике сегодняшнего дня.

На службе у археологии (кроме универсальной лопаты) и современная техника и технология, естественные и точные науки, не говоря уже об общественных дисциплинах. Большие уточнения в топографию памятников, в изучение целых археологических оазисов вносит аэрофотосъемка; существует особая служба—аэроразведка; используется такой метод, как проверка слоев земли на электропроводимость, благодаря чему удается нанести на план здание, даже не вскрывая его. У нас в Киргизии занимаются и подводной археологией: под волнами Иссык-Куля вскрыт не один древний памятник.

В большой дружбе с археологами живут и работают палеонтологи (они изучают останки вымерших животных), палеоботаники (исследуют остатки растений, злаков, сохранившиеся порой пыльцу и оболочки споровых). Очень важный раздел полевых археологических исследований составляет палеоантропология (отрасль науки, изучающая физический тип людей по костным материалам, проблемы расселения рас и различных исторических групп, происхождения народов и пр.). Под влиянием геологии археологи восприняли стратиграфический метод исследований: от последовательности залегания пластов земной коры — к последовательному залеганию культурных слоев. В археологии существует понятие абсолютного датирования, основанного на физико-

химических методах определения даты (радиокарбонный, археомагнитный, радиоуглеродный). Тех, кто заинтересуется этими проблемами в археологии, мы отсылаем к специальной литературе, перечисленной в конце книги.

Комплексность исследований предусматривает привлечение к раскопкам и последующим камеральным работам таких специалистов, как архитекторы, художники-искусствоведы, этнографы, лингвисты, геодезисты, историки, географы и др. Особую роль исполняют реставраторы—химики и графики, художники и скульпторы, монументалисты и ювелиры. Подчас вторым рождением памятника и его долголетием мы обязаны именно этим людям.

За сто с небольшим лет развития археологии произошел пересмотр представлений об этой романтической науке, о ее целях и задачах. Сегодня не отдельные ценные находки определяют ее успехи, а серьезное осмысление найденного. Задачи археологии как отрасли исторических знаний — на массовом археологическом материале делать социологические заключения, давать реконструкции древних структур общества.

В предлагаемом читателю научно-популярном издании рассматриваются некоторые аспекты культурной жизни населения Северной Киргизии в средневековье. Комплекс разнообразных находок с Краснореченского городища позволяет воссоздать отдельные страницы жизни предков киргизского народа, знавших и развитую оседлоземледельческую культуру, и градостроительство, и ремесло, и товарно-денежное хозяйство. Эти находки позволяют нам судить о таланте народа, его неувядающем искусстве, о связи времен, ощутить преемственность поколений.

В работе нам хотелось не только рассказать об этих находках, но и показать будни экспедиции, рождение

маленьких открытий, из чего складывается весь поисковый процесс в археологии. Хочется надеяться, что эта книга поможет читателю открыть для себя новый удивительный мир далеких предков.

При написании книги были использованы научные труды отечественных и зарубежных авторов, а также первоисточники в переводах и интерпретациях специалистов, которые приведены в списке использованной литературы. Среди этих работ особо следует выделить книги историков религии — С. А. Токарева, Г. М. Бонгард-Левина, Л. С. Васильева, историков и археологов — А. Н. Бернштама, А. М. Беленицкого, Ф. Грене, Б. А. Литвинского, М. Е. Массона, Б. И. Маршака, Г. А. Кошеленко, Г. А. Пугаченковой, Б. Я. Ставиского; лингвистов и востоковедов—В. А. Лившица, Л. А. Лелекова, В. Г. Луконина, С. Г. Кляшторного и других; труды киргизстанских коллег, принявших участие в обсуждении рукописи — их работы также приводятся в конце книги.

Автор благодарит всех коллег и рецензентов за оказанное внимание, высказанные замечания и пожелания.

В крепости зарыт Золотой верблюд.
Это — город Золотого верблюда...

(Из местных преданий)

I. ГОРОД ЗОЛОТОГО ВЕРБЛЮДА

Остатки города, о котором идет речь, находятся примерно на 35—38 километрах автострады Фрунзе-Токмак. Сейчас на этом месте располагается современное селение Красная Речка, по которому закреплено и название городища. Огромные бугры и многокилометровые валы бывших построек и стен города столь впечатлительны и живописны, что не могут не привлечь внимания туристов. Гиды Фрунзенского бюро путешествий охотно включают памятник в маршруты своих экскурсий и объясняют, что это развалины древнего Сарыга.

Эта точка зрения была высказана почти пятьдесят лет назад пионером археологического изучения городищ Чуйской долины профессором из Ленинграда Александром Натановичем Бернштамом и в целом до последнего времени не подвергалась сомнению. Уже в довоенные годы городище было обследовано сотрудниками первой на территории Киргизии комплексной Семиреченской археологической экспедиции (1938—1940 гг.), определены основные этапы жизни города, начиная с V-VI вв. Впоследствии памятник изучался Чуйским отрядом Киргизской археологической экспедиции под руководством кандидата исторических наук Петра Никитовича Кожемяко. В разные годы (1952—1954, 1961—1963, 1972) им были открыты объекты храмовой, жилой и общественной архитектуры средневекового города, ремесленные мастерские горожан, определены размеры поселения и уточнена его топография, собрана большая

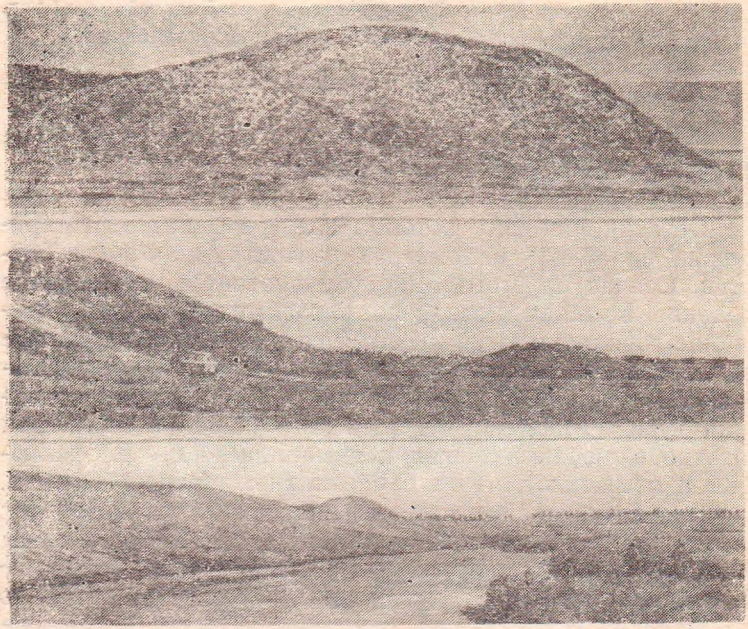

Рис. 1. Цитадель и часть шахристана-II Краснореченского городища. Внизу — крепостная стена со рвом.

коллекция керамики и предметов художественных ремесел.

Последующая история изучения Краснореченского городища связана с деятельностью совместного киргизско-казахского отряда Киргизской историко-археологической экспедиции Института истории АН Киргизской ССР и Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН Казахской ССР (1978—1982 гг.) под руководством кандидатов исторических наук Карла Молдахметовича Байпакова и автора данной книги.

Исследования продолжаются и сегодня. Научные публикации о них приводятся в списке использованной и рекомендуемой любознательному читателю литературы.

Живет в здешних местах молва или легенда, передаваемая из поколения в поколение, что зарыт-де в этом городе-крепости Золотой верблюд, и сколько ни ищут его — не находят. Кто зарыл, зачем и когда — этого теперь уж никто не помнит, но что зарыт — так это и сомнению не подлежит. Некоторые даже брались за лопату... Когда появились на городище археологи — шутили: «Раскопаете Золотого верблюда, так не забудьте нам за рассказы хоть хвостик!».

Почему все-таки появилась эта легенда? Не верить ей — проще всего, но, как говорится, нет дыма без огня. К тому же известно из археологической практики, как часто легенды и предания блестяще подтверждались при критическом анализе всего комплекса источников. Можно еще раз привести ставший уже классическим пример раскопок Генрихом Шлиманом гомеровской Трои.

Гораздо сложнее вопрос: почему возникла молва о верблюде, а не о коне — верном спутнике жизни у киргиза? И не просто о верблюде, а о золотом? Если предположить, что контуры городища, видимого издалека, напоминают силуэт двугорбого верблюда, то это будет натяжкой. Находки с изображением верблюда на золотых изделиях?—они пока неизвестны. Можно предположить, что некогда видели здесь изображение верблюда, и зрелище это было столь великолепно, что навечно запечатлелось в памяти людской, а рассказы о виденном из уст в уста передавались...

Что же представлял собой этот город? Кто и когда в нем жил? Как он назывался и чем славился? На все вопросы сразу ответить невозможно: наука располагает лишь разрозненными фактами из жизни города на

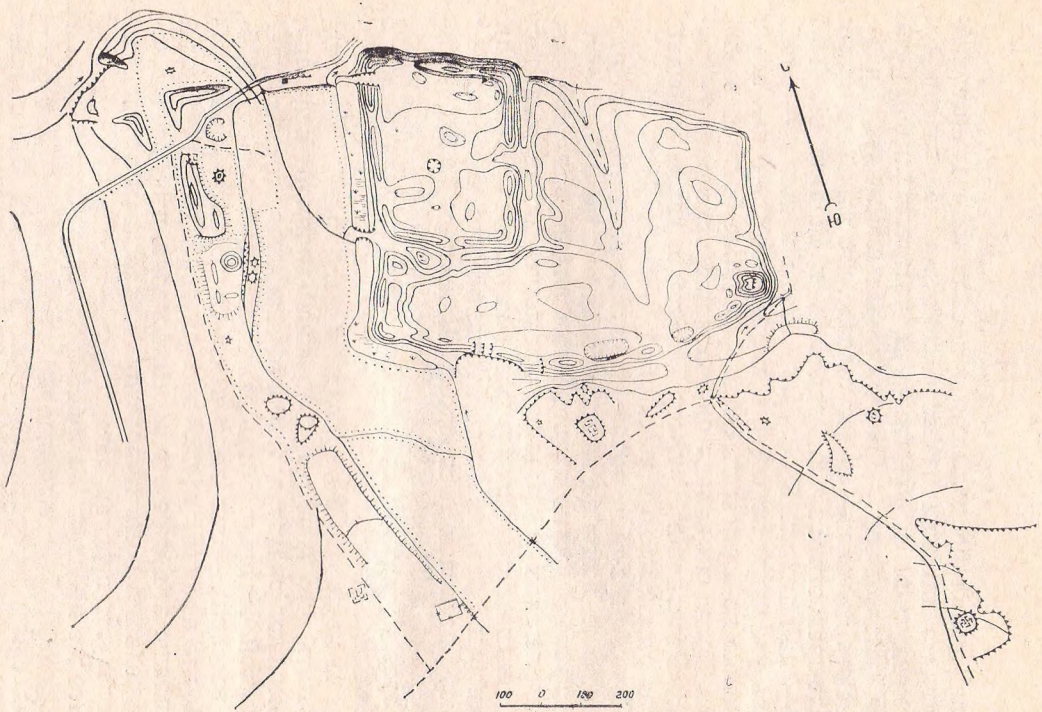

Рис. 2. План-схема центральных развалин древнего города.

месте краснореченских развалин, о чем и повествуют главы этой книжки. И тем не менее несколько лет работы археологов на памятнике позволяют рассказать кое-что из его истории.

Поселение на месте краснореченских развалин возникло в VI в. н. э. на высокой надпойменной террасе реки Чу, между двумя руслами древних саев, впадающих в нее. Сначала это были отдельные укрепленные замки согдийских переселенцев и торговые фактории на трассе проходившего через долину торгового пути. Вокруг них постепенно стали складываться посады, ремесленно-торговые лавки и мастерские, некрополи и святилища; вскоре возникла потребность в сохранении имущества и построек поселенцев — строится крепостная стена. Так постепенно рос город, который к VII—VIII вв. ооформился в виде отдельных составных частей.

Центральные развалины городища еще сохраняют микрорельеф. И хотя масштабных раскопок на «крепости» не проводилось, можно визуально описать его топографию. Центр города составляли административное здание — резиденция правителя, храмы, дома зажиточных горожан. По общепринятой среднеазиатско-арабской терминологии, эта часть поселения называется шахристан-I (то есть собственно город). Эта наиболее возвышающаяся часть застройки обнесена мощными крепостными стенами шириной по основанию 12,3 и высотой в реконструкции — до 15 метров (Реконструкции вычисляются определенной формулой соотношения размеров основания, завалов кладок и сохранившейся высоты стены—в 7 метров). Неприступность крепости усиливалась за счет глубоких рвов, проходящих у основания стены и вырытых до уровня зеркала грунтовых вод (которые здесь очень высоки); кроме того, они могли наполняться водой по специальной системе водоснабжения города, а следы каналов и разветвленной сети

арыков с проточной водой здесь читаются повсюду. Общая площадь шахристана-I равняется 19 гектарам.

К юго-востоку от него возвышалась цитадель—крепость, где размещались стражники, арсенал, а также замок военачальника. Она была сооружена на высоком мысу и обозревалась со всех сторон долины. В настоящее время это пирамидальный холм высотой 19,5 метров от подошвы, размером 110 х 110 метров по основанию и 30 х 25 метров по верху. Его раскопки начаты в 1979 г. В истории жизни этого памятника выявлено три больших периода, начиная с VII в. В IX-X вв. здесь размещалось дворцовое здание, в XI-XIIвв. на его месте был жилой дом, а со второй половины XII в. — это уже пустырь.

В период VIII-X вв. интенсивно застраивалась территория между шахристаном и цитаделью, образующая шахристан-II. Обе части города обводятся общей системой крепостных стен, в которых были устроены башни, предвратные сооружения и пандусные[1] въезды в город со всех четырех сторон. Общая площадь города составляла в VIII-IX вв. около 70 гектаров, что соответствовало размерам крупного города Средней Азии поры раннего средневековья.

Вокруг центральных развалин городища сохранились отдельные холмы разной конфигурации — тепе[2]. Это — остатки замков земледельческой аристократии, храмовые и культовые сооружения, дома в усадьбах и ремесленные мастерские горожан. Чем дальше от стен древнего города, тем менее заселенной была территория. Однако застройка X—XI вв. прослеживается на пространстве почти в 20 квадратных километров. Вся эта площадь вместе с усадьбами, садами и обрабатываемыми

[1] *Пандус* — наклонный подъем, заменяющий лестницу.

[2] *Тепе* — холм, скрывающий остатки поселения или отдельного строения.

полями была обнесена еще одним кольцом крепостных стен (названными П. Н. Кожемяко «длинными стенами»), в настоящее время не сохранившимися.

Наиболее ранними сооружениями Краснореченского городища являлись своеобразные дома-крепости — замки земледельческой аристократии (их в Средней Азии еще называют *кёшками*). Это монументальные сырцово-пахсовые[3] здания, возведенные на искусствен-

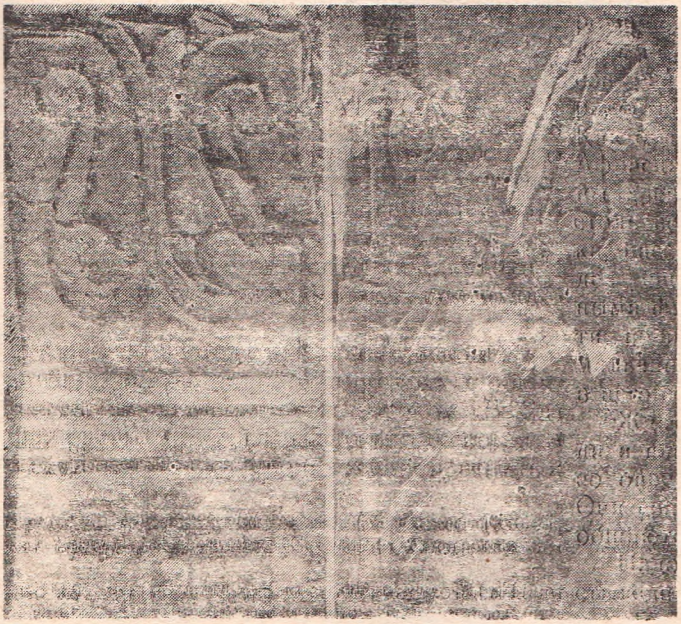

Рис. 3. Фрагменты резной глиняной штукатурки из жилых домов Краснореченского городища.

[3] *Пахса* — битая глина, нарезанная на блоки.

ных возвышениях — платформах. Замки имели два-три этажа с множеством узких полутемных помещений. Верхние этажи перекрывали своды из сырцового кирпича. Нижние этажи, как правило, не имели наружных выходов; наклонный вход (пандус) или перекидной мостик вел на второй этаж, а оттуда по лестницам можно было попасть в комнаты нижнего этажа. К зданию обычно примыкал обширный двор, а в дальнем его углу находилось фамильное кладбище.

Целая серия домов в усадьбах и мастерских X-XII вв. была раскопана на городище. Они располагались вне стен шахристанов; архитектурную композицию этих домов определяли внутренние дворики, вокруг которых группировались помещения хозяйственного назначения, парадные залы и интимные покои. Большинство домов имело богатое внутреннее убранство стен и потолков в виде резных штукатурок и росписей по глине и ганчу [4], фигурной кладкой кирпича выполнялись полы и панели. Верхние части зданий — потолки, своды или арки, карнизы, обрамления дверных и оконных проемов украшали вычурные узоры резных рам, бордюров и кайм. Свет чираков — светильников создавал неповторимую игру светотеней расписных стен и всего убранства комнат. Вдоль стен устраивались суфы-лежанки, которые покрывались коврами; в стенных нишах стояла дорогая посуда. Комнаты обогревались печами разных конструкций и переносными жаровнями. Бытовая и столовая посуда была разнообразной.

---

[4] *Ганч* — местная разновидность алебастра, с добавкой лесса и кирпичного порошка.

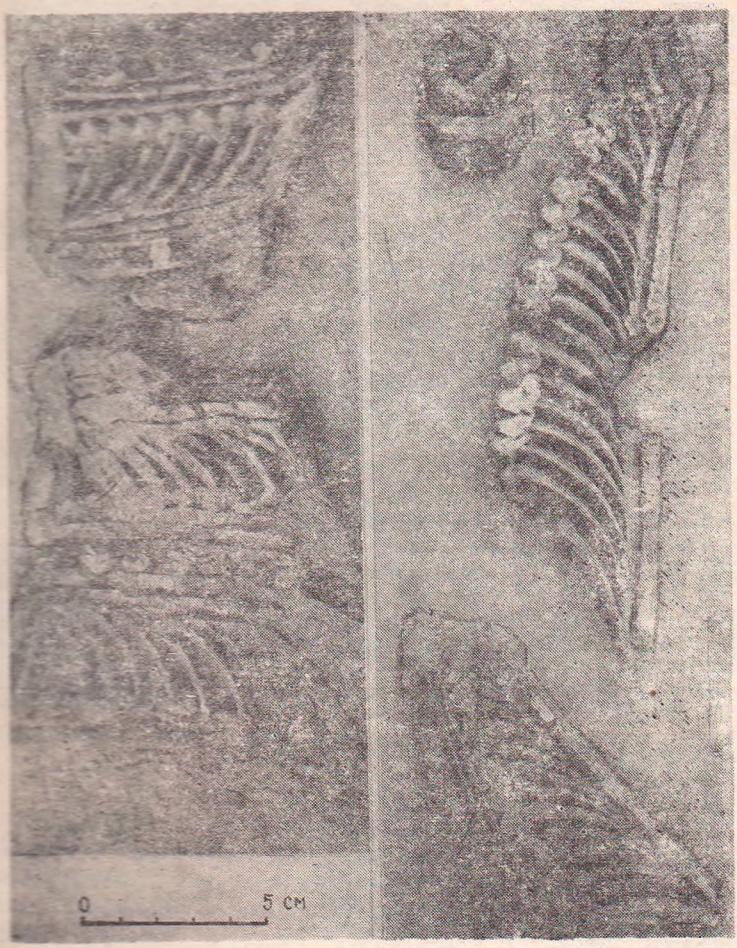

Рис. 4. Фрагменты архитектурного декора после реставрации. Работа Н. А. Ковалевой.

Рис. 5. Фрагменты архитектурного декора после реставрации. Работа А. Д. Дорофеева.

Вся вскрытая жилая архитектура на городище — а это более десятка домов — свидетельствует о хорошо развитом в городе строительном и архитектурном деле. Кроме того, из девяти домов в усадьбах, принадлежавших ремесленному люду, в четырех были оборудованы винодельческие мастерские. Занятие

виноделием было выгодным и, безусловно, представляло один из видов дохода жителей города. На городище раскопаны гончарные печи, а собранная коллекция посуды, металлических орудий труда и ювелирных изделий позволяют констатировать, что в городе было хорошо налажено керамическое, ткацкое производства, металлообработка, ювелирное дело. Город VIII-XI вв. процветал. Основу его хозяйства и экономики составляли земледелие, ремесло и торговля...

Золотого верблюда археологи пока не нашли, но следы почитания его в древнем городе обнаружены. Это — штамп из обожженной глины (штамп керамиста), который употребляется при украшении посуды. Его поднял К. М. Байпаков в 1979 г. на территории шахристана-I. Штамп представляет собою подчетырехугольный в сечении керамический брусок длиной 7 сантиметров. На его торцах имеются круглая и квадрат-

Рис. 6. Керамический штамп с изображением верблюда.

ная площадки с изображениями в технике так называемой выемчатой резьбы. На круглой площадке — солнцеобразная розетка из перлов, на другой дано зеркальное изображение двугорбого верблюда — бактриана, шагающего влево. На тулово готового глиняного сосуда, перед тем как ставить его для обжига в печь, гончар наносил этим штампом рельефный оттиск верблюда. Если употреблялся штамп — значит, изделия были серийными. Если идет массовая продукция — значит, на нее был спрос, а изображение верблюда по какой-то причине устраивало жителей города. Такова цепь наших логических рассуждений.

А что же говорят нам другие источники?

В литературе имеются обстоятельные сводки по вопросам, связанным с образом верблюда в религии, символике и искусстве. По письменным источникам известно название верблюда в титулатуре тюркских правителей. Например, каган[5] государства Караханидов X—XII вв. носил титул Богра-хан[6] (он владел Баласагуном в Чуйской долине и Таразом в Таласской).

Образ верблюда играл в идеологии древности и средневековья весьма большую роль. Ему отведено почетное место в иконографии Востока. В народной таджикской поэзии образ верблюда сравнивается с мощным правителем — воплощением бога победы и грозы — Веретрагны[7]. Пережитки почитания верблюда сохранялись до недавнего времени у киргизов и казахов. В эпосе «Манас» черноголовый верблюд выступает в

---

[5] *Каган (хакан)* — великий хан, правитель тюркских государств-каганатов.

[6] *Богра-хан* (Бугра-хана) — титул правителя Караханидского каганата, досл. «Верблюд-хан».

[7] *Веретрагна* (пехлевийский *Варахран*, ново-персидский *Бахрам*) —одно из верховных божеств древних иранцев и других ираноязычных племен и народов.

качестве одного из верных помощников и защитников Манаса. После смерти Манаса его быстроногий верблюд Джелмази простоял на коленях 12 лет у входа в мавзолей своего хозяина.

Поэтично и образно описано это животное Ч. Айтматовым в романе «И дольше века длится день»: «Широким и размашистым тротом шел Каранар, все больше втягиваясь в дорожный ритм движения. Для понимающего человека Каранар был особенно красив на ходу. Голова верблюда на гордо изогнутой шее как бы плыла над волнами, оставаясь почти в недвижимости, а ноги, длиннющие и сухожильные, стригли воздух, неутомимо отмеряя шаги по земле...». И еще: «...бодрствует неистовый Каранар. Ему не до сна, не до покоя. Вот ведь как устроено в природе. Весь год набирается он сил, весь год изо дня в день собирает и пережевывает корм, все время непрестанно перетирая жвачку могучими челюстями, и для этого у него соответственно устроен желудок, вначале накапливающий грубый корм, а затем возвращающий его для вторичного измельчения, чем и занимается верблюд в любое время, пережевывая жвачку на ходу и даже во сне, и все это с тем, чтобы накопить, сконцентрировать силу в горбах, и чем мощнее, налитее и крепче горбы, тем плотнее у них сало, тем мощнее самец в зимний гон. И тогда ему нипочем ни снега, ни холода, ни даже хозяин и тем более прочие люди...».

Не за эту ли силу почитали верблюда и преклонялись перед ним люди испокон веков?

А теперь давайте сравним образ бактриана, представленный современным народным киргизским писателем, с описанием верблюда и верблюдицы в «Авесте» [8] — священной книге огнепоклонников — зороастрийцев, прожи-

[8] *Авеста* — древнейший памятник письменности иранцев, относящийся к VII—IV вв. до н. э.

вавших в большом числе в бывшем городе на Красной Речке.

Божество-воитель Варахран, перевоплощенный в верблюда, и верблюдица изображаются так:

«И та верблюдица больше всего влечет его,
Верблюда, полного вожделения,
У которой крепкие бедра, жирный горб,
Большие глаза, умная голова,
Прекрасная, высокая, сильная...».

Живая и естественная красота животного сравнена с сильным божеством, образ которого как бы очеловечен. В древней мифологии ираноязычных племен верблюд был одним из наиболее почитаемых животных.

Культ животного как божества — тотема [9] уходит в глубь тысячелетий. Он широко представлен в наскальных рисунках Средней Азии и Сибири, в том числе и Тянь-Шаня (в урочище Саймалы-Таш, II тыс. до н. э.). Особенно многочисленны изображения животных (свидетельствующие об их особом почитании) в Древней Бактрии [10], славившейся двугорбыми верблюдами.

Позже символы этого животного встречаются на бухарских монетах V—VI вв. В росписях дворца бухархудатов (так титуловали себя государи Бухарского Сог-

---

[9] *Тотемизм* — комплекс верований и обрядов древних обществ, связанных с представлением о родстве между группами людей и так называемыми тотемами (т. е. видами животных и растений); каждый род носил имя своего тотема; пережитки тотемизма сохранились у всех народов мира.

[10] *Бактрия* (Бактриана) — рабовладельческое государство, существовавшее на территории современных Афганистана, южных районов Узбекистана и Таджикистана в первой половине I тыс. до н. э. С VI в. до н. э. входила в состав Ахеменидской державы, затем в империю Александра Македонского (Греко-Бактрийское царство). Во II в. до н. э. область была завоевана кочевыми племенами.

да) в Варахше[11] правитель восседает на троне, украшенном крылатыми верблюдами. Интересно и сообщение древних хроник о том, что владетель Бухары восседал на троне в виде верблюда. Верблюд и его крылатый двойник олицетворяли космическое божество. Крылатый верблюд имел, по-видимому, геральдическое значение в родословной царствующих кушан[12], государство которых существовало в первых веках н. э. на территории Средней Азии, Афганистана и Ирана. В «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси (персидско-таджикский поэт X—XI вв.) эпическое предание связывает верблюда именно с этим значением. По древним китайским хроникам, его изображение характерно для Дома Кан (т. е. Самаркандского Согда), представители которого заимствовали этот символ от предшествующих династий. Поэтому не случайно мы видим верблюда рядом с царственными особами согдийских правителей на живописных панно раннесредневековых домов Пенджикента[13] и Самарканда, раскапываемых уже несколько десятилетий.

На городище Ак-Бешим в буддийском храме найдены позолоченные бляшки, на одной из которых показаны сидящие божества с верблюжонком в руках. В Самарканде найдена часть трона согдийского государя в виде бронзовой скульптуры верблюда, чему известный

---

[11] *Варахша* — городище в Бухарском оазисе (Узбекская ССР), резиденция бухарских владетелей древнего Согда в дельте реки Зеравшан.

[12] *Кушаны* — одно из центральноазиатских племен, во II—I вв. до н. э. осевших на землях Бактрии и основавших Кушанское царство. В период расцвета (Великие кушаны, I—III вв. н. э.) государство включало значительные территории современных Средней Азии, Северной Индии, Пакистана, Афганистана, Восточного Туркестана.

[13] *Пенджикент* — раннесредневековый город в центральном Согде (ныне районный центр Ленинабадской области ТаджССР), столица Пенджикентского княжества VI—VIII вв.

искусствовед Средней Азии Л. И. Ремпель посвятил специальную работу (1977 г.).

В Туркмении издавна почитается одногорбый верблюд. Туркмены называют его арвана («царь пустыни», «садовник пустыни») за изумительные способности поедать только вершки пустынного растения, которым это животное питается, — «верблюжьей» колючки, не повреждая корни и тем самым сохраняя урожай на следующий год. Следы почитания этого животного зафиксированы уже в слоях раннеземледельческого памятника Южной Туркмении эпохи энеолита — Анау-П (IV тыс. до н. э.). В эпоху бронзы верблюд уже использовался как тягловая сила. Хорошо известны для второй половины III — начала II тыс. до н. э. модели керамических четырехколесных повозок с впряженными в них фигурками верблюдов. Нет красивее и умнее животного, чем арвана, говорят туркмены. Верблюд кормит, одевает, переносит тяжести, спасает в голодной пустыне. Невероятная сила и выносливость животного сделали его одним из самых почитаемых тотемных животных.

... Молва о Золотом верблюде на Краснореченском городище — не просто слухи. Это был город согдийского происхождения, в котором жили традиции метрополии — собственно Согда [14]. Основателями города были переселенцы из Согда и Тохаристана [15]. Они же поначалу составляли большую часть его населения. Правитель, один

---

[14] *Согд (Согдиана)* — древнее государство на территории Средней Азии в бассейнах рек Зеравшан и Кашка-Дарья со столицей в Мараканде (Самарканде); возникло в середине I тыс. до н. э.; историческая область в составе различных феодальных государств на территории Узбекистана, с XVI в. — Бухарского ханства.

[15] *Тохаристан* — государство, возникшее в результате завоевания Бактрии племенами тохаров, обитавших в Средней Азии, во второй половине IV в. н. э., приблизительно в тех же границах.

из могущественных государей чуйского объединения городов поры раннего средневековья, вполне мог восседать на троне, украшенном общепринятым у согдийцев и тохаров символом власти и покровительства — бога победы и грозы в образе бактриана.

Увидав черепки — не топчи черепка.
Берегись! Это бывших людей черепа.
Чаши лепят из них—а потом разбивают.
Помни, смертный: придет и твоя череда!

(Омар Хайам, XI в.)

II. ГОРОД МЕРТВЫХ

Хорошая глина на крепости — чистая, мягкая, вязкая. Хорошо из нее строить, лепить, по стенам мажет, как масло. Но именно эта слава глины и способствует уничтожению памятника. Карьеры здесь на каждом шагу — берут мешками, бричками, вывозят машинами...

В 1978 г. Республиканским обществом охраны памятников истории и культуры приостановлены хозяйственные работы на одном из таких карьеров на западной стене городища. Следом приехали мы, археологи. Зачистили образовавшийся разрез, собрали археологический материал, походили, посмотрели вокруг и пришли к заключению, что на территории, называемой П. Н. Кожемяко западной пристройкой к шахристанам, располагался обширный некрополь, или «город мертвых». Он формировался по своим правилам: в 350—300 метрах от шахристанов (с учетом розы ветров), на естественном возвышении; позднее — около середины VIII в. — по гребню была возведена крепостная стена. Раскопками выявлена ее ширина по основанию 10,2 метра, высота в реконструкции была не менее 10 метров.

«Город мертвых» имел свою систему фортификации и внутреннюю погребально-культовую застройку. Между крепостной стеной города (со рвом) и некрополем оставалась незастроенная полоса шириной около 200 метров и длиной до одного километра. Только спустя три столетия стала она обживаться населением, уже

принявшим ислам. Об этом свидетельствуют раскопанные остатки усадеб караханидского времени и хумханы[1]. А могилы так и остались нетронутыми до наших дней.

Тот первый сезон был полон радостных событий. Археологический отряд был сформирован из штатных сотрудников Института истории, студентов ТашГУ, специализировавшихся по археологии Средней Азии, а также рабочих — учащихся Краснореченской и некоторых средних школ г. Фрунзе. Многочисленность отряда позволяла начать раскопки сразу в нескольких местах, строить работу на перспективу, как говорится, широкомасштабно. Ударными усилиями удалось многое сделать за сезон: начали раскопки на объектах стационарно, провели рекогносцировку в районе базирования экспедиции, а также сохранили для науки несколько памятников на аварийных объектах (тех, что подпортила техника в процессе нивелировки полей под пахоту или в результате прокладки проселочных дорог, в местах новостроек колхозных ферм). «Война» за сохранение памятника шла не на шутку: и с сельским Советом народных депутатов, и с правлением колхоза «40 лет Октября», и лично с его председателем В. И. Кирьяновым. Что делать? — надо и хлеб насущный выращивать, и памятники материальной культуры сохранять.

На некрополе начальником раскопочной площадки с шифром Р-3 (раскоп № 3) была назначена выпускница университета Максума Ниязова, а лаборантом у нее — новичок в археологии студентка 2 курса Саида Акчурина. У девушек это был первый самостоятельный раскоп. «Как проявят себя? Справятся ли? Смогут ли ладить с ребятами-рабочими?» — думала я тогда. Вспомнила се-

[1] *Хумхана* — кладовая, погреб, где хранились сосуды большой емкости — хумы с вином, зерном, мукой и прочими продуктами.

бя в их возрасте и свой первый самостоятельный раскоп на этом же городище в экспедиции П. Н. Кожемяко. Это был дом ремесленника в усадьбе, под шифром КР.0—62, Р-4. Сейчас он находится под колхозной силосной ямой № 2. До сих пор не могу без волнения проходить мимо, а уже более двадцати пяти лет прошло...

Сложный, поначалу непонятный объект оказался местом погребения большого рода или общины огнепоклонников-зороастрийцев. Ямы, перекопы, везде кости человеческие перемешаны с костями животных; керамика бытовая со следами закопчения—с погребальными сосудами. Лишь через две недели раскопок картина стала проясняться: под верхним горизонтом беспорядочных захоронений открыты погребальные сооружения, известные в

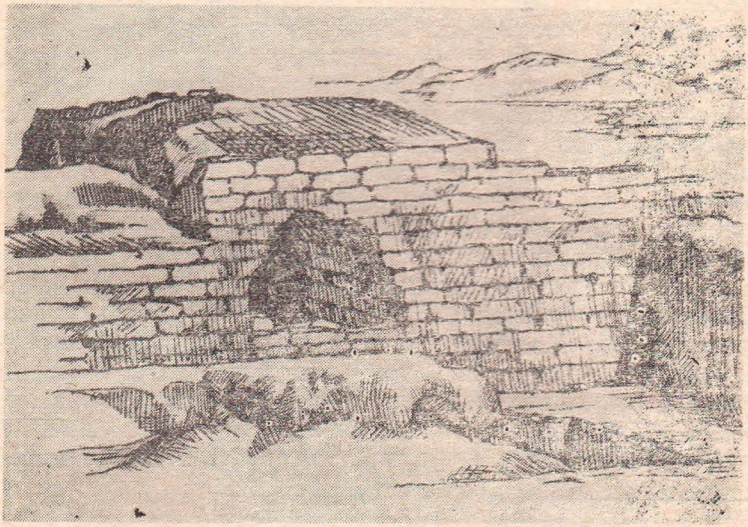

Рис. 7. Вид науса краснореченского некрополя после раскопок.

среднеазиатской археологии как наусы [2]. Это небольшие наземные сооружения из сырца и пахсы с камерами, заполненными останками людей. Иногда в наусах содержались еще другого рода костехранилища — наполненные костями керамические ящички — оссуарии, глиняные корчаги — хумы, казаны или сферические чаши — также с останками людей. В некоторых больших сосудах находилось по два скелета (правда, не в полном наборе костей). Рядом с оссуариями и хумами вдоль стен склепов лежали черепа или погребения в виде кучек костей, а ближе ко входу-лазу иногда лежали скелеты в полном анатомическом порядке (т. е. по обряду трупоположения), как правило, без сопроводительного инвентаря.

Наусы площадью от 1 до 10 квадратных метров пристроены впритык друг к другу; отдельные группы их разграничены стенами, а перед входами имеются свободные площадки, где в основном и была сосредоточена глиняная посуда, зольники от костров и очажков, кости животных. Но полностью эта картина предстала через три полевых сезона, когда были вскрыты все наусы на раскапываемой площади некрополя... Саида Акчурина по итогам работ на некрополе защитила дипломную работу, можно сказать, выросла как специалист, проторив дорогу и другим студентам — выпускникам Ташкентского университета.

До сих пор живут неписаные правила взаимопомощи и добрые традиции, привитые нам, выпускникам Ташкентской археологической школы, нашими учителями и наставниками — докторами наук, профессорами, ныне академиками — Михаилом Евгеньевичем Массоном (умер 2 ноября 1986 года), Галиной Анатольевной Пу-

[2] *Наус* — особая погребальная постройка для хранения костей умерших членов рода или отдельной семьи у зороастрийцев Средней Азии.

гаченковой, кандидатами исторических наук Светланой Борисовной Луниной, Замирой Исмаиловной Усмановой, преподавателем Надеждой Иосифовной Крашенинниковой, а здесь, на Красной речке — Петром Никитовичем Кожемяко — одним из первых выпускников кафедры археологии тогда еще Среднеазиатского университета им. В. И. Ленина.

...Особо запомнился нам день 14 августа 1978 года, когда в лагере появился замечательный оссуарий, вскоре привлекший внимание наших коллег далеко за пределами Киргизии. А было так. Когда в одном из наусов раскопали первое костехранилище, все пришли в радостное волнение: оссуарный некрополь, зороастризм! Как будто мы оказались в древнем Шаше или даже на Афрасиабе (под таким названием известны развалины древнего Самарканда). Оживление студентов было столь велико, что рабочие — учащиеся с. Красная Речка, рассказали о другой находке здесь же, на некрополе — еще «более красивого гроба», украшенного налепными фигурками людей. В нем, правда, тоже были кости, но их выбросили по дороге домой. Мать одного из мальчишек использовала «гроб» по-своему: настелила в него соломы и посадила квочку...

Ждать, когда выведутся цыплята, студентки не стали и попросили ребят принести оссуарий (как правильно определили они назначение «гроба») немедленно. Они сразу же подчинились, поняв, что тем самым приобщаются к истории.

Надо было видеть эту картину: впереди шли пристыженные ребята, бережно неся довольно большой терракотовый (обожженная глина) оссуарий (длина 73, ширина 35 и высота 43 сантиметра) и крышку, а за ними торжественно-счастливые, возбужденные Максума и Саида. Когда поставили передо мной находку — и я не удержалась от восторга. До чего ж хорош! Как и

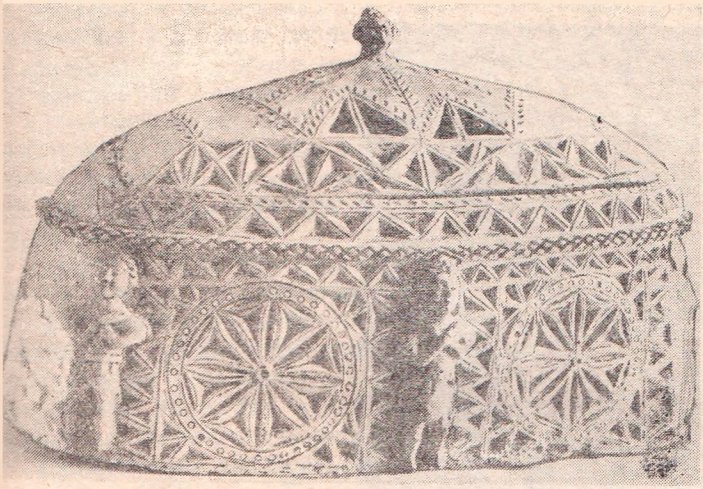

Рис. 8. Оссуарий VII—VIII вв.
Находка 1978 года.

персонажи на стенке оссуария, молитвенно сложив руки, мы любовались мастерством древнего художника...

Потом начались лихорадочные поиски аналогий — что же это за изображение на нем? Оссуарий овальный в плане, фасадная стенка украшена резным орнаментом, декоративными рамками, жгутами и двумя восьмилепестковыми розетками. В центре композиции и по бокам — человеческие фигурки. Ручка крышки — в виде изящной головки, выполненной в традициях индийско-кушанского искусства пластики. На оссуарии скульптурные налепы воспроизводят определенный тип людей того времени, известный и по другим источникам, — с характерными атрибутами одежды: короткополый кафтан, шаровары, наборный пояс и сапоги до колен с заг-

Рис. 9. Фрагмент оссуария.

нутыми вверх носками. У персонажей довольно индивидуализированные черты: удлиненные одутловатые лица, широкий разлет бровей, большие миндалевидные глаза, нос с горбинкой. Прическа в виде собранного надо лбом пучка волос. Головы приподняты, руки сложены в мольбе, на щеках надрезы — все это делает лица скорбными и торжественно-молчаливыми.

Ничего подобного как-то сразу и не припоминается... Нечто похожее было в Таразе — на оссуарии тоже изображен человек со скрещенными на груди руками. Но он в рясе, и вообще большого сходства нет. Почти точную аналогию подсказал прибывший к нам через год (с целью ознакомления с материалами некрополя) французский коллега Франц Грене: подобная сцена опубликова-

на в 1938 г. в сводке А. А. Потапова «Рельефы древней Согдианы». Но там — лишь небольшой фрагмент костехранилища. А у нас — целехонький сосуд, не хватает только третьей боковой фигурки.

По возвращении на родину Ф. Грене тоже опубликовал этот памятник во Франции, правильно увидев в его форме прообраз культового надмогильного сооружения, где стоящие мужские фигурки имитировали колонны-кариатиды [3].

Вместе с тем эти изображения могут символизировать и образы предков-фравашей, почитаемых у индийцев и иранцев с древнейших (дозороастрийских) времен. Именно им приносятся жертвы и на похоронах, и на праздничных церемониях; у них просят благополучия и сохранения рода, его имущества и скота, прибавления семейства, мирного пламени очага...

Удивительно трудным, насыщенным и радостным был сезон 1978 года. Каждый из четырех начатых тогда объектов дал совершенно неожиданный материал: интересную архитектуру, резную глину и росписи, обилие костного материала. Необходимо было срочно решать проблему полевой реставрации, добиваться постоянного присутствия при раскопках антрополога, архитектора, художников...

Памятным и волнующим был еще один день, связанный с находками оссуариев,—в сезон 1983 года, 11 июня. Я только что вернулась из Ленинграда, где проходила Всесоюзная научная конференция «Культура и искусство Киргизстана»; наш замечательный оссуарий занял подобающее ему место на выставке в Государственном Эрмитаже, приуроченной к конференции. Экспедиция была без меня целую неделю. Тревожно: не случилось

---

[3] *Кариатиды* — опоры перекрытия здания в виде человеческих фигур.

ли чего, все ли ладно на раскопочной площадке? Правда, за старшего оставалась опытный полевик-археолог Людмила Кирилловна Сергеева, но все-таки волновалась.

Приезжаю и выясняется, что уже третий день меня спрашивают шоферы расположенного по соседству с нами дорожно-строительного участка (мы ведем еще и археологический надзор на карьерах вдоль поймы реки Чу на случай, если окажутся под ножом бульдозера или ковшом экскаватора культурные слои. Именно это и случилось в мое отсутствие!). Мчимся к начальнику участка, не пообедав, не разгрузив машины с продуктами — столь велико нетерпение.

Экскаваторщик Сергей Хмелевский сделал все правильно. Когда он увидел, что под ковш попали какие-то глиняные сосуды и первые из них, конечно, разлетелись вдребезги под тяжестью машины, то перевел экскаватор на другой участок. Потом сложил в сторонку извлеченные осколки (оссуариев и хумов) и попросил шоферов заехать к археологам и сообщить о находке.

Приехав на карьер, мы сразу же принялись зачищать яму, в которой стояли оссуарии. Осмотрели место их погребения, «привязали» ещё одно (уже четвертое на городище) оссуарное кладбище к ближайшим развалинам замка. Вместе с костехранилищами поднята и тюргешская монета, которая датирует слой не ранее середины VIII в.

Коллекция оссуариев оказалась на редкость интересной — и разнообразием форм, и богатством орнаментальных мотивов, и самим количеством — археологически целых (т. е. поддающихся восстановлению) и несколько фрагментов. В отличие от городского некрополя, здесь оссуарии ставились не в наусы, а опускались в грунтовые ямы, вырытые в лессе. Они также выполняли роль семейных усыпальниц, куда ставились на хранение со-

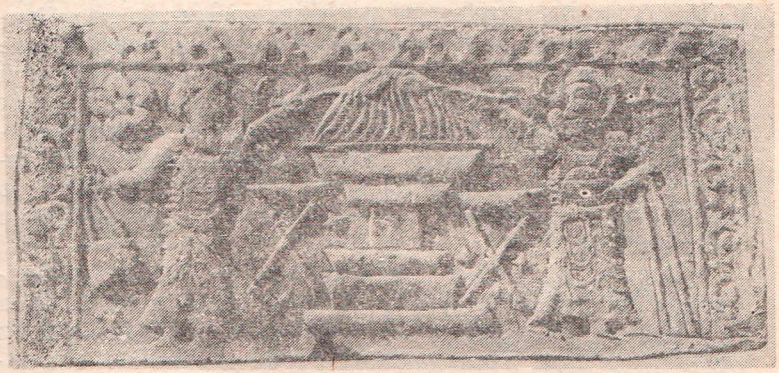

Рис. 10. Оссуарий VII—VIII вв. Находка 1983 года.

суды с предварительно очищенными костями — таково было предписание религии огнепоклонников-зороастрийцев. В Средней Азии, правда, наблюдается много отклонений от иранских канонических предписаний, но в основе обряда — все-таки зороастризм! Убедительное тому доказательство — изображение на стенках второго оссуария.

Мэри Бойс, исследовательница истории и культуры Древнего Востока, наблюдала ритуал возжигания огня у парсов [4] Индии, по различным источникам восстанавливает его и для древнего периода. Так, например, описывает она ритуал возжигания огня в храме у зороастрийцев сасанидского Ирана (III—VII вв. н. э.). Прикасаться к огню мог только священнослужитель — жрец, который надевал на голову белую шапочку типа тюбе-

[4] *Парсы (гебры)* — последователи зороастрийской религии, огнепоклонники, обособленно живущие в Северо-Западной Индии и в Иране.

тейки, а на руки перчатки, закрывал рот и нос полумаской, чтобы дыхание не осквернило огня. Специальными щипцами поправлял дрова в светильнике алтаря [5], чтобы пламя горело ровно. Дрова в алтарной чаше были из ценных твердых пород деревьев, в том числе сандалового; когда они горели, помещение наполнялось приятным запахом. Накапливавшаяся от постоянного огня зола собиралась священнослужителями в специальные коробочки, которые затем закапывались в чистой земле.

Кажется, будто все это записано со сцены, изображенной на нашем оссуарии. Только здесь присутствует не один, а два жреца. Они показаны в традиционных одеяниях в виде ниспадающих рубах с длинными рукавами, где каждая деталь имела свою символику. Изображения имитируют тонкую легкую ткань, драпирующуюся мелкими складками разных очертаний. Пояса с кисточками на концах трижды обвиты в талии и завязаны узлом.

Центр композиции занимает высокий ступенчатый алтарь с языками пламени. По бокам от него, рядом со жрецами — по-видимому, подставки для щипцов, ложек и прочих атрибутов, необходимых для совершения обряда. Повсюду в поле разбросаны астральные символы: в левом верхнем углу пятилепестковый цветок (или розетка) — это солярный знак (Солнце), в правом — четырехконечная крупная звездочка — небесное светило, по-видимому, планета Венера, перед лицами жрецов — птицы в полете олицетворяют души умерших. Вся сцена как бы заключена в рамку, где боковые бордюры с вьющимися стеблями растения — символы возрождения;

---

[5] *Алтарь* — высокий постамент для священного огня в храме и жертвенник; главная часть внутреннего помещения, отделенная иконостасом в христианском храме.

верхний зубчатый парапет[6] изображает крышу храма, или границу мира земного и небесного.

Таким образом, сцена возжигания огня может быть «расшифрована» как отправление заупокойного обряда в храме. Такое ритуальное возжигание священного огня происходит лишь один раз в год, в день возрождения и вознесения «праведных» душ в рай. По представлению зороастрийцев, попавшие в рай души обитают вместе с богами. Если бы сохранилась крышка этого оссуария, она, быть может, поведала нам и о представлениях райской жизни древних огнепоклонников...

Истоки этих сложных обрядов следует искать в древнейших пластах индоевропейской культуры. По мнению Л. А. Лелекова, занимающегося историей индо-иранских народов, жесткой связи между погребальным обрядом и предписаниями зороастризма нет. Зороастризм — это реформированная идеология, противопоставленная местным культам, что и нашло отражение в священной книге зороастрийцев — Авесте. А обряд погребения, именуемый оссуарным, старше реформированных религий; он мог обслуживать и зороастризм, но мог и не быть зороастрийским, поскольку идея сохранения костных останков — общая для многих племен и народов Ближнего и Среднего Востока и в ряде мест наблюдается с эпохи энеолита и бронзы.

И тем не менее вышеописанный оссуарий с Красной Речки говорит сам за себя: население раннесредневековых городов и селений было знакомо с догмами этой идеологии, следовало им и, вместе с тем, продолжало поклоняться своим местным божествам, знало дозороастрийские мифические персонажи и представления.

Что же это за религия? Основателем ее считается

---

[6] *Парапет* (архит.) — невысокая стенка, служащая ограждением крыши (или горной дороги, террасы, набережной и проч.).

легендарная личность — пророк и поэт Зороастр (или Заратуштра), живший и проповедовавший свое учение в ираноязычном мире, по-видимому, еще в эпоху бронзы.

Зороастризм [7] зародился как идеология в эпоху становления классовых отношений, хотя некоторые ученые склонны удревнить его до эпохи бронзы. В основе этой религии — борьба двух начал: Добра (бог Ахура-Мазда) и Зла (Анхра-Майнью). Борьба между светлым началом и темным идет не на жизнь, а на смерть, ареной сражения служит весь мир. Дуалистическая идея оказалась в центре внимания учения Зороастра; религиозная система ставила своей целью философское осмысление мира, в котором действуют силы созидательные (духи добра) и силы разрушительные (духи зла). Отсюда и богатая иконография, сложная символика, определенные нравственно-этические принципы. «При этом, — пишет историк религии Востока Л. С. Васильев, — едва ли не основной идеей этической доктрины зороастризма был тезис о том, что зло и страдания зависят от самих людей, которые могут и должны быть активными творцами своего счастья. А для борьбы со злом человеку необходимо прежде всего очиститься, причем не столько даже духом и помыслами, сколько телом.

Физической чистоте зороастризм придавал ритуальное значение. Необходимо было остерегаться всякой нечистоты, в первую очередь трупов. Чтобы трупы покойников (символ нечистоты) не соприкасались с чистыми стихиями (землей, водой, огнем), существовал и специфический обряд захоронения».

---

[7] *Зороастризм* — самая древняя из мировых религий, полученная якобы пророком от бога. Зороастризм был государственной религией трех великих Иранских империй, существовавших с VI в. до н. э. по VII в. н. э.

Умерших на определенное время сносили в специальные сооружения — так называемые дахмы [8] или на свободное пространство близ проточной воды, пока мышечные ткани не растащат собаки или не склюют хищные грифы, пока кости не омоет дождь, не высушит солнце. В дни всенародного празднества накануне Науруза [9] костные останки собирались и складывались в специальные костехранилища (наусы, склепы, оссуарии, хумы и другие приспособленные для этого сосуды больших размеров).

Этот обряд изложен, конечно, схематично. В жизни все было намного сложнее и многое пока для нас малопонятно. Очевидец зороастрийской практики в Средней Азии, энциклопедист и ученый средневекового Востока Абу Райхан Мухаммед ибн Ахмад ал-Бируни (жил во второй половине X и до середины XI в.) пишет в своем сочинении «Памятники минувших поколений»: «Маги Мавераннахра [10] в конце месяца х. ш. в. м.(?) [11] плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают себе лица и ставят для умерших кушанья и на-

---

[8] *Дахма* — «башня молчания», специальное высокое сооружение (или обособленное место), приспособленное для очищения трупов по зороастрийским обрядам.

[9] *Науруз (Ноурус)* — один из многочисленных праздников зороастрийской религии — Новый год, приходящийся на день весеннего равноденствия, когда Солнце входит в созвездие Овна (по современному иранскому календарю — 22 марта).

[10] Маги Мавераннахра — огнепоклонники области междуречья Амударьи и Сырдарьи, по арабо- и персоязычным источникам средневековья.

[11] В иранском календаре таким месяцем считался Фравардин — месяц Фравашей — душ предков. Зороастрийский календарь, основанный на божественных названиях, был введен в действие еще при Ахеменидах, предположительно в 441 году до н. э. Он основан на солнечном годе и состоит из 12 месяцев по 30 дней. Дополнительные пять дней специальным указом вводились через каждые шесть лет в особый месяц.

питки, как делают парсы... кладут в наусы пищу для духов умерших».

Особое место у зороастрийцев занимал огонь. Культ огня являлся воплощением символа Ахура-Мазды. Огонь (Атар), согласно зороастризму, появляется в разных видах: как небесный огонь — огонь, скрытый в молнии; в дереве, дающий тепло и жизнь человеку, и, наконец, как священный огонь, который зажигался в храмах. Огню в Иране посвящается каждый девятый день месяца и весь девятый месяц, с 16 ноября по 15 декабря (он так и назывался — Адур — в честь божественного огня).

Храмы огня существовали уже на ранних этапах становления этой религии, еще на рубеже VIII—VII вв. до н. э. Один из них был открыт археологами в Мидии. Он имел форму башни, внутри которой стоял четырехступенчатый алтарь высотой около 2 метров. По лестнице огонь доставлялся на крышу храма, откуда он был виден издалека (так поступали в дни всенародных торжеств и обрядов).

В эпоху правления Сасанидов зороастризм становится государственной религией Ирана. Храмы огня строились во всех городах и селениях; каждый приходящий к власти царь имел свой огонь, зажигавшийся в храмах в дни его коронования. Существовали обычаи обновления огня, очищения огнем и т. д.

Культ огня существовал в древности и средние века у многих народов, в том числе и у тюрок, переселившихся в VI в. в Среднюю Азию из Центральной Азии. Его пережитки до недавнего времени сохранялись и у киргизов...

Культовая сцена с алтарем и жрецами — охранителями огня на красноречен̈ском оссуарии, конечно, для Притяньшанья уникальна. Тем ценнее его источниковедческое значение. Характерно, что по типу наш алтарь

иконографически соответствует алтарям огня сасанидского Ирана, хотя изображения алтарей встречаются с VII—VI вв. до н. э. на разного рода памятниках монументального и прикладного искусства «иранского мира», как и изображения жрецов. Особенно часто подобная сцена — жрецы у алтаря — повторяется в так называемых сасанидских геммах — камнях-печатках (опубликованных, в частности, исследователями культуры Ирана В. Г. Лукониным и Р. Фраем). Термин «сасанидский» в данном случае определяет не столько территориально-государственные границы, сколько хронологические —

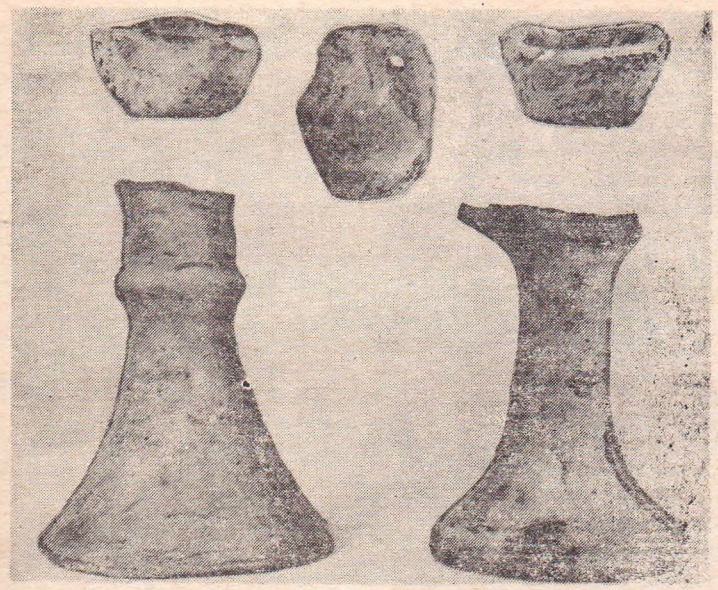

Рис. 11. Керамические светильники и ритуальные сосуды с некрополя. VII—VIII вв.

III—VII вв. н. э. Большая группа гемм происходит также из Средней Азии и Закавказья.

Изображения алтарей огня, подобных красноречен-скому, присутствуют в росписях дворца бухар-худатов в Варахше, на оссуариях из Бия-Наймана и Иштихана — древних областей Согда. Нередки изображения алтарей и в росписях частных домов Пенджикента; переносные алтарики-курильницы — обязательный атрибут каждого дома огнепоклонников. Однако они другого типа и лишь отдаленно напоминают изображение, оттиснутое на красноречен**ском оссуарии.**

Рис. 12. Подставка под светильник VII—IX вв. Находка А. Н. Бернштама.

В каждой историко-культурной области преобладал тот тип, который был присущ ей с древнейших времен. На территорию Чуйской долины был привнесен образ, характерный для памятников искусства Тохаристана и Южного Согда. По-видимому, оттуда в город на месте Красноречeнского городища и был основной приток переселенцев. Этот вывод сделан мною еще и по ряду других наблюдений, связанных с раскопками буддийского храма, изучением коллекций посуды, анализом храмовой скульптуры. Более того, эти традиции прослеживаются в изделиях художников и ремесленников, принесших определенные навыки в этот восточный город в

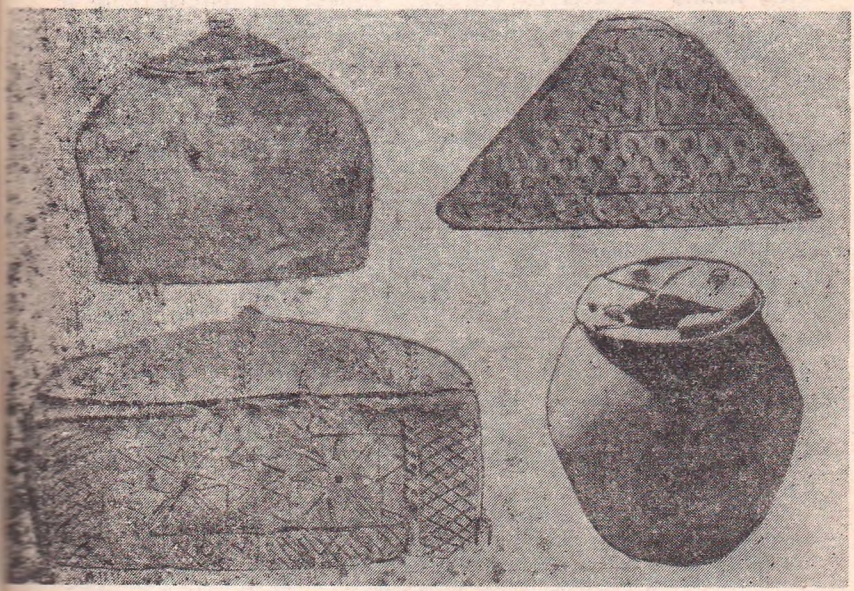

Рис. 13. Костехранилища краснореченского некрополя. VII—IX вв.

Притяньшанье. И он очень важен сегодня, когда мы говорим об исторических связях народов Средней Азии и Казахстана. На конкретном примере краснореченских оссуариев можно судить о единых общественно-экономических отношениях и общих идеологических представлениях народов Ближнего и Среднего Востока.

Изучение погребального обряда и типов погребальных сооружений краснореченского некрополя также позволило сделать определенные исторические выводы. Зороастризм исповедовала довольно значительная часть городского населения домусульманского периода, а пережитки его наблюдались вплоть до недавнего времени. Уже давно забыты их истоки, переосмысленные еще в эпоху распространения ислама [12]. Так, от науса берет начало идея родовой усыпальницы в мавзолеях (гумбезах, мазарах у киргизов), хотя в принципе гумбез — это купол или купольное сооружение, не обязательно усыпальница; мазар — это ставшее предметом поклонения захоронение, сооружение, дерево и проч. Оссуарии, в свою очередь, копировали издревле существовавшие в Средней Азии культовые и погребальные сооружения, прообраз которых донесли до нас эти археологические предметы.

Вместе с тем, по мнению ряда ученых, изучающих древнейшие зороастрийские, буддийские и другие памятники Востока, наус (позднее мавзолей) в своей купольной конструкции, сочетавшей вписанные друг в друга квадрат (четверик стен) и круг (купол), отражал представления о микрокосмосе. Планировка таких гроб-

---

[12] *Ислам* — досл. «покорность», новое религиозное учение, зародившееся в Аравии в начале VII в. н. э. Основатель его — «посланник Аллаха» на земле Мухаммед, проповедовавший в Мекке и призывавший своих соплеменников отказаться от поклонения многочисленным богам и верить в одного бога — Аллаха; одна из «мировых религий», получившая широкое распространение на Востоке.

ниц в индоиранской и всей индоевропейской мифологии осмыслялась как миниатюрное воспроизведение структуры Вселенной. В древнейших литературных памятниках структура Мира (т. е. Земли и Неба) представлялась в виде квадрата и круга с общим для них центром. Сквозь тысячелетия эта исходная форма дожила до наших дней: архитектурные традиции древних зодчих оказались более живучими, чем верования.

Все существа равны перед религиозным идеалом, всем открыт путь к просветлению, в каждом присутствует природа Будды...

(Из буддийского учения Махаяны, начало н. э.)

III. БУДДЫ И БОДДИСАТВЫ

На Краснореченском городище были открыты в разные годы остатки архитектуры, живописи и скульптуры, связанные с буддийской идеологией и искусством. Буддизм проник на территорию Северной Киргизии вместе с переселенцами и миссионерами, двигавшимися по трассе Великого шелкового пути. Буддийское искусство достигло здесь наивысшего расцвета в VII—VIII вв.

Большая община на территории древнего города размещалась к югу от цитадели, но за стенами шахристана. В настоящее время эта территория распахана, сохранился лишь большой холм от центрального храма. В 1961—1962 гг. Петр Никитович Кожемяко раскопал здесь в одной из галерей колоссальную глиняную скульптуру «усопшего Будды», достигавшую в реконструкции 12 метров, т. е. во всю длину обводного коридора. Колосс лежал на специально устроенном метровом возвышении. К сожалению, верхняя часть скульптуры и окружавшие ее рельефные и живописные изображения были утрачены еще в древности, когда храм разрушили язычники-тюрки, принявшие ислам, который с середины X в., при Караханидах стал государственной религией.

Раскопки храма продолжаются с 1979 года уже несколько лет. Но до полного его вскрытия еще очень далеко! В храмовый комплекс входили просторный внут-

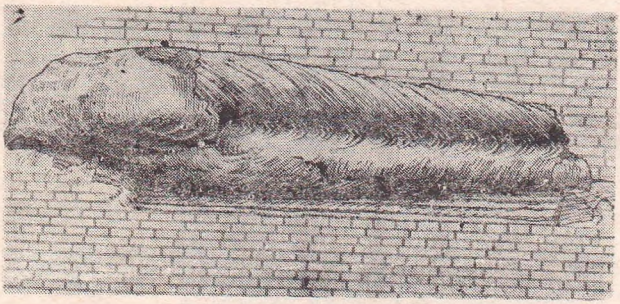

Рис. 14. Остатки скульптуры Будды из краснореченского храма. Из раскопок П. Н. Кожемяко 1961—1962 гг.

ренний двор, целла[1] с обводным коридором и примыкавшие к ним жилые и хозяйственные помещения. Перед входом в святилище найдены куски некогда стоящих скульптур боддисатв[2] примерно 2-х метровой высоты (в реконструкции). Вся скульптура выполнялась из глины на деревянно-камышовом каркасе. Открытые участки тела, а также детали одежды, украшения на руках, ногах и груди подкрашивали минеральными красителями. Особенно торжественным убранством отличалось святилище — святая святых храма. Оно имело внутренний размер 6×6 и высоту более 4 метров. Стены толщиной 2—2,6 метра сложены из пахсы и сырца. К сожалению, ко времени наших раскопок основная часть декора (художественное оформление внутри) была уже утрачена и частично снята П. Н. Кожемяко в 1961—1963 гг.

---

[1] *Целла* — святилище в буддийском храме.

[2] *Боддисатва* — персонаж буддийского пантеона, существо, достигшее совершенства, но оставшееся в миру, чтобы спасать другие существа; потенциальный Будда.

Рис. 15. Голова Будды или боддисатвы из краснореченского храма. Находка 1981 года.

Скульптура была вывезена в Эрмитаж бригадой реставраторов под руководством известного мастера советской реставрации П. И. Кострова. По-видимому, в те годы в центре святилища был вырыт шурф, за пределами которого остались нетронутыми небольшие участки по углам. Эти сохранившиеся культурные слои позволили нам в 1983 году открыть остатки реликвария храма, зрительно представить порядок размещения здесь скульптур вдоль стен, напротив входа и по углам.

Долго пришлось разбираться, пока поняли, что к чему. Особенно волнующими были дни 28—29 июля, связанные с открытием, расчисткой и закреплением мелких фрагментов бересты, превращенной в труху полевыми мышками. Это первая находка «берестяных грамот» на территории Киргизии. И понятно, как разволновались мы, когда начальник раскопочной площадки Эрик Бахшецян прибежал в лагерь; он был возбужден от быстрого бега и уникальной находки. Успел только бросить:

ис. 16. Фрагменты украшений скульптур из храма. Раскрашенная глина.

«Береста, надписи! Одна труха, не знаю, что делать?»— и назад на раскоп.

Помню, мы — я и реставратор из Москвы Наталья Алексеевна Ковалева — только что пришли с раскопа, ничего не предвещавшего еще за час до этого. И вдруг! Не до обеда. Собрали весь «портфель реставратора» — от глазных скальпелей и медицинской груши (сдувать пыль) до всевозможных растворителей и клеев — и снова поехали на Р—VII (храм). Три часа, не разгибая спин, в «любимой позе археологов» (когда нос касается земли), мы проработали на одном дыхании. Изнывали от полуденной жары, чтобы успеть все забрать до наступления сумерек. Затем собрали берестяную труху на полиэтиленовые пленочки, Наталья Алексеевна тут же стала ее расчищать и закреплять между двумя слоями пленки особым раствором, известным лишь нашему «алхимику».

И снова, как не раз прежде, словно в наказание, эти изумительные находки были сделаны в последние часы пребывания реставратора в экспедиции. Бессонная ночь, проведенная над берестой, ничто в сравнении с тем волнением, какое пережили мы, выбирая труху из глины: письмена могли погибнуть от малейшей неосторожности, от внезапного порыва ветра или от того, что кто-то из нас мог бы не выдержать и упасть на бересту...

Когда все было позади, вспомнили мы, как тяжко (в буквальном смысле слова) приходилось предшественнику Эрика Сергею Гукасову—тоже выпускнику ТашГУ. Только спортивная закалка и физическая сила помогли ему извлекать массивные куски скульптуры из завалов храма и переносить на себе в лагерь. Сейчас часть их отреставрирована и демонстрируется в музее Института истории АН Киргизской ССР.

...Сохранившиеся фрагменты бересты содержали древнеиндийское письмо брахми [3], датированное специалистами-индологами В. В. Вертоградовой и М. И. Воробьевой-Десятовской VII в. — серединой VIII в. Надписи были нанесены на специально обработанную внутреннюю кору березы с двух сторон черной краской. Наиболее сохранившиеся кусочки ее составляют 30—50 кв. сантиметров с надписями в несколько строк, высота которых не превышает 3—4 миллиметров. Это буддийские священные тексты в виде свитков (или, возможно, отдельных

Рис. 17. Фрагменты бересты с буддийскими текстами из красноречeнского храма.

[3] *Брахми* — разновидность древнеиндийского слогового письма, возникшего в VIII—VII вв. до н. э.

листов, скрепленных костяной пластиной) хранились в реликварии храма, но, судя по месту находки (на полу у центральной композиции с восседающим Буддой), тексты использовались монахами, так как не были замурованы. Возможно также, что они по какой-то причине были извлечены, но так и остались лежать на полу в момент разрушения храма тюрками-иноверцами (не позднее IX в.).

Надписи на бересте — редкая находка для Средней Азии, а для Киргизии—пока единственная. Все известные памятники письмом брахми на бересте происходят также из буддийских комплексов V—VIII вв.: Мерва и Байрам-Али (Южная Туркмения), Занг-тепе (Южный Узбекистан), Кафыркала (Южный Таджикистан). Зато гораздо больше известно индийских надписей на керамике, на каменных стелах и рельефах. Интересно, что письмом брахми, а еще чаще—кхароштхи (другая разновидность древнеиндийского письма) встречаются благопожелательные надписи на посуде уже с рубежа нашей эры. Дарственные надписи, тексты с указанием принадлежности сосуда писались монахами и, как правило, за пределы монастырей не выходили. Но ... находки хумов на Красной Речке с надписями по согдийски — прямое свидетельство распространения этой практики далеко за пределы буддийских монастырей, возможно, заимствованной приверженцами других религий (см. ниже).

Вместе с берестой в храме хранились и другие изделия: мелкая скульптура из глины, бусы, миниатюрные сосуды — подношения Будде. Здесь же, по-видимому, в реликварии лежала позолоченная литая скульптура бодхисатвы на подставке о четырех ножках. Это довольно распространенное в буддийской иконографии изображение Авалокитешвары. Высота изделия 6,7 сантиметра, из них 1,6 сантиметра приходится на «пьедестал». Изящество бодхисатвы делает скульптурку неповторимым худо-

Рис. 18. Боддисатвы. Красная речка. 1 — бронза с позолотой, найдена в святилище храма; 2 — бронза, находка Н. Д. Черкасова. Хранится в Государственном историческом музее, г. Фрунзе; 3 — налеп на керамический сосуд.

жественным произведением, представлявшим индийский импорт в городах Северной Киргизии. Находили бодисатв на городище и раньше (см. рис. 18).

Целый набор подобных бронзовых с позолотой и инкрустацией изделий в виде разнообразных божеств буддийского пантеона найден в 1965—1966 гг. при строительстве колхозного дома культуры в селе Новая Покровка Кантского района. Здесь, на расстоянии 20—24 километров к западу от Краснореченского городища, находится другое большое городище, именуемое по названию села Новопокровским (вернее — целый комплекс городищ в системе одного «длинного вала»). Здесь в середине IX—начале X в. проживала довольно крупная буддийская община.

В. А. Лившицу удалось прочитать название города— Пакап, на месте которого уже в наше время появилось село Новопокровское. Это согдийское название города содержалось в надписи, начертанной на венчике хума. Однако возможно и второе толкование: сюда был завезен хум из города Пакапа. А надпись сообщает, что этот хум (литров на 300) предназначался в дар правителю города от христианской или манихейской[4] общины. Вот дословный перевод надписи: «Этот сосуд—дар общины Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь... Государь Алп-Бильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим!».

Прочтите внимательно текст: сколько заключено информации в одной этой небольшой надписи! Из нее узнаем следующее: во-первых, сам сосуд — хранилище и тара для вина; во-вторых, в городе было развито сель-

[4] *Манихеи* — приверженцы религии, возникшей в III в. н. э. в Персии и быстро распространившейся в странах Востока. Основателем считается полумифическая личность из Вавилона, сириец Мани (216—276 гг.). В манихействе много заимствований от зороастризма, буддизма и христианства.

ское хозяйство, в частности, занимались виноделием; в-третьих, была развита письменность и часть населения была грамотной; в-четвертых, приводится название города — и оно согдийское, а имя государя — тюркское (значит, верховная власть в стране принадлежала тюрку-карлуку); в-пятых, дано одно из родословных имен династии; в-шестых, правитель и окружавшие его лица пили вино (значит, еще не были мусульманами); в-седьмых, в городе проживала религиозная община манихеев или христиан, которая изредка (а возможно, и довольно часто) преподносила в качестве дани подарки правителю; в-восьмых, город был местопребыванием государя Алп-Бильге, верховного кагана, — значит, здесь в это время располагалась «столица тюркского (тюргешского) кагана», упоминаемая арабо- и персоязычными источниками для VIII—IX вв.!?

Вот какая замечательная эта находка. Сделана она была в 1940 году при строительстве БЧК, археологический надзор проводил А. Н. Бернштам. А расшифровка произведена только 40 лет спустя В. А. Лившицем. Желающие могут посмотреть на этот сосуд—он хранится в Историческом музее г. Фрунзе.

Чуйская долина — одна из областей Средней Азии, где широко представлены памятники буддийского происхождения. В. В. Бартольд—крупнейший из исследователей истории и культуры стран Востока и Центральной Азии в целом — в своих «Очерках культурной жизни Туркестана» — лишь предполагал (на основе изучения письменных источников), что здесь должна быть развита буддийская традиция. Через полстолетия его гипотеза блестяще подтвердилась! Во время археологических исследований, повсеместно развернувшихся в Средней Азии, было открыто более десятка буддийских объектов. В настоящее время отчетливо наметились древние области Средней Азии, имевшие богатую буддийскую

традицию: Бактрия — Тохаристан, Согд, Парфия [5], Маргиана [6], Фергана и долина реки Чу.

Многолетние исследования этих памятников привели археологов и востоковедов к заключению, что наиболее ранние из них относятся к рубежу нашей эры, ко времени существования могущественных империй Востока, соперниц Рима и Греции — Кушанского и Парфянского царств. Под покровительством кушанских царей буддизм из Индии (вместе с миссионерами) через Гиндукуш проник в среднеазиатские и восточно-туркестанские области.

Памятники буддийского происхождения Чуйской долины относятся только к раннесредневековой поре, хотя отдельные изделия имеют явно более древнее происхождение и сохранялись, видимо, в монастырях в качестве реликвий на протяжении нескольких столетий. Новое осмысление находок привело к заключению, что все акбешимские, новопокровские и прежде всего краснореченские находки свидетельствуют о большом влиянии индийско-кушанских традиций и искусства Гандхары [7].

---

[5] *Парфия* (Парфянское царство) — древнее государство, существовавшее в 250 г. до н. э. — 224 г. н. э. к юго-востоку от Каспийского моря, включало обширные территории Средней и Передней Азии, соперничая с Древним Римом; позднее вошло в государство Сасанидов (224—651 гг.).

[6] *Маргиана* — древняя страна в составе Парфии, располагавшаяся в низовьях р. Мургаб (Южная Туркмения), со столицей на городище Старого Мерва.

[7] *Искусство Гандхары* — искусство особой художественной школы, сложившейся в монастырях горной страны Гандхары (Северо-Западная Индия) под влиянием изобразительного искусства индийцев и греков (после походов Александра Македонского). Здесь выработана иконография буддизма (типы лиц, причесок, поз будд и боддисатв, различные сцены из жизнеописаний Будды) как для самой Индии, так и сопредельных стран Центральной и Юго-Восточной Азии.

Истоки культуры буддийских общин в долине Чу восходят к Бактрии — Тохаристану.

Будда (от санскритского «просветленный истиной, умудренный») — лицо, достигшее «абсолютного совершенства» и способное указать другим путь к религиозному спасению. Именем Будды называют предполагаемого основателя буддизма — Сиддхартху Гаутаму Шакья-Муни, якобы жившего в центральной части долины Ганга в VII—V вв. до н. э. Жизнеописания Будды известны с древнейших времен, наиболее подробные из них относятся к началу первых веков нашей эры. Буддизм как идеология (согласно буддийским священным писаниям) появился в результате земной проповеди Шакья-Муни. Однако в действительности появление этой религии (как и других) связано с разложением родового строя и формированием классовых отношений. Прежние мифологическо-религиозные идеологии уже не отвечали новым общественным отношениям. Новый общественно-политический строй создавал новую идеологию.

Буддизм — сложное философское направление — учит, что жизнь во всех ее проявлениях есть зло, несущее одни страдания. Преодолев все страсти, чувства и желания, поняв суетность и зло мира, можно прекратить «круговорот бытия» и достичь покоя — «нирваны» [8].

Центральная фигура, т. е. Будда, всегда окружен рядом второстепенных богов, образы которых черпались из пантеона богов того народа, который принимал буддизм. Сюда входили все остальные боги самой Индии (принявшие по легенде буддизм и ставшие ревностными его распространителями), и боги языческие [9], символы астраль-

[8] *Нирвана* — состояние полноты внутреннего бытия, отсутствия желаний, абсолютной отрешенности от внешнего мира; конечная цель человеческого стремления в буддизме.

[9] *Язычники* (политеисты, многобожники) — приверженцы первобытных верований и культов эпохи распада доклассовых обществ.

ных культов и мировых религий. Изобразительный канон Будды сложился в Гандхаре, он включает три его образа: сидящего, стоящего и умирающего. Каждая из поз олицетворяет особое значение Будды. Так, сидящий символизирует достижение «просветления», стоящий — несущий в мир свое учение, умирающий или усопший (отдыхающий) — достигший покоя и полноты счастья (см. рис. 14). Суть учения Будды заключалась в том, чтобы спасти всех людей, а индивидуальное спасение — это не самоцель. Этому должны способствовать посланцы Будды в этом мире — боддисатвы, жаждущие спасения и совершенства, то есть «просветления».

Особое место среди них занимал боддисатва Авалокитешвара в одежде индийских принцев. Характерными чертами его образа являются: отсутствие украшений, собранные в пучок длинные волосы, в руке сосуд для воды—символ отшельнической жизни. Одежда боддисатвы плотно облегает ноги, в талии перетянута поясом, концы которого спускаются до подола юбки. Иногда одежду дополняет шарф, перекинутый через левое плечо. Кроме сосуда, Авалокитешвара может держать в руке и другой атрибут — лотос, опахало. Этот боддисатва, как правило, изображался в качестве стража у дверей храма или рядом с Буддой.

Для буддийской скульптуры характерно такое явление: несмотря на пышность драпировки, объемы тела всегда явно проступают через одежду. В скульптуре передавалась тончайшая ткань (муслин), облачавшая божественные персонажи.

Социальные доктрины буддизма — прежняя и сегодняшняя—не идентичны. Не совпадают и каноны буддизма, поскольку они на протяжении многих веков переводились со «священного» санскрита на различные языки, некоторые из которых ныне уже мертвые. Буддизм, как говорят буддологи, многолик, многоязычен, многонацио-

нален, многослоен. Он включает сложнейшие обряды и церемонии. Многоплановые исследования в области буддийской культуры требуют, помимо археологических раскопок, не меньших «раскопок» различных пластов религиозных представлений и культов, скрывающихся в буддизме. До сих пор пока нет общей истории буддизма, в которой бы были выявлены закономерности и тенденции эволюции религии как внутри буддийских школ, так и в разных странах. Буддийская культура включает в себя (теснейшим образом переплетенные) быт, искусство, архитектуру, общественную мысль многих народов Востока. И чтобы понять историю народов Средней Азии, чьи судьбы в той или иной степени были связаны с буддизмом, археологу необходима помощь ученых — буддологов. Без них не разобраться в водовороте событий и фактов. Величие построек, изящество скульптуры, красочность живописи и росписей не должны заслонять необходимости критического анализа всего того негативного, что несет в себе религия как антинаучная форма общественного сознания.

Культура Древней Индии, сыгравшая огромную роль в истории мировой цивилизации, отразилась и на историко-культурном наследии Киргизии. Да иначе и быть не могло, ибо с древнейших времен шли сложнейшие процессы взаимного обогащения достижениями культуры между странами и народами, а Тянь-Шань находится на пересечении этих путей.

...Среди племени чигиль было немного христиан...

(Абу Дулаф, X в.)

IV. ДЕВИЦА ЙАЛ-АНЧ И ГЕОРГИЙ

Сенсационная находка была сделана в последний день работы нашей экспедиции 7 августа 1980 года. Надо было кое-что уточнить, провести последние обмеры на раскопе, чтобы спокойно укладывать чемоданы.

Ученик-рабочий Паша Чуриков решил заровнять стенку и выдолбить из кладки мешающий камень. Руководитель Карл Молдахметович разрешил: это ремонтная подкладка в стене, все равно вывалится. Камень как-то выпирал за линию стены и казался лишним. Хотел выбросить, а под ним — еще один. Посмотрел Паша на них внимательно — вроде бы обычная речная галька — плоская, гладкая, но посередине — кресты, по трем сторонам «выцарапанные» знаки — письмена — в одну-две строчки. И размер камней невелик: 23 на 14 и 26 на 17 сантиметров, толщина 3—7 сантиметров. Зеленоватые, с белыми прожилками, как все камни в местных речках, несущихся с гор Киргизского Ала-Тоо. Но какие на них знаки! Получил Паша подарок за интересную находку (мы ребят угощали конфетами или шоколадками за каждую особо ценную находку)—еще бы, находка необычная! Знали мы, что такие кайраки[1] нередко встречаются в долинах Северного Тянь-Шаня, но все они относятся к позднему средневековью — XIII—

[1] *Кайрак* — досл. «галька», намогильный камень с эпитафией; характерны для средневековой Средней Азии.

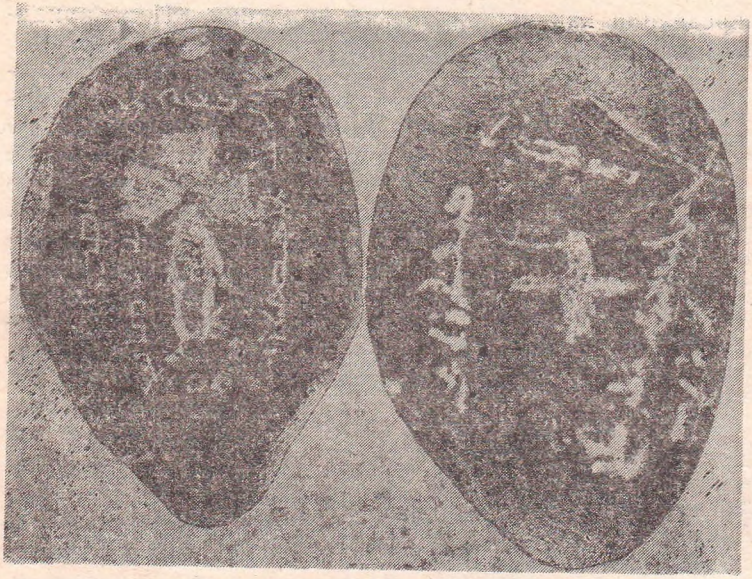

Рис. 19. Несторианские кайраки с цитадели Краснореченского городища: VIII в. и начало X в.

XIV вв. А здесь здание по всем данным датируется концом X—XI в., в крайнем случае обживалось до середины XII в., а следов жизни на городище, относящихся к XIII—XIV вв., вообще нет.

Сразу вспомнились факты из истории изучения городища: в 1938 году здесь, в восточной части города, был найден кирпич с сирийско-несторианской надписью и крестом. Она была сразу прочитана и опубликована в трудах Государственного Эрмитажа в 1939 году. Кирпич

определили как несторианский памятник XII в., а надпись содержала всего два слова: «Георгий кузнец».

Михаил Евгеньевич Массон в публикации «О происхождении двух несторианских намогильных галек Средней Азии» (1978 г.), писал, что в 1919 г. в долине р. Чу было сделано несколько находок несторианских галек, в том числе у села Бирбулак (так называлось ранее село Краснореченское), что в 6 километрах к западу от поселка Ивановка. Таким образом, стало ясно, что находили подобные гальки и до нас! Только где они? Один камень хранится в музее исторического факультета Ташкентского университета—возможно, тот самый, о котором пишет М. Е. Массон? Значит, и наши находки — не случайное, а вполне закономерное явление!

Шлем копии-протирки с надписей и фотографии в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, специалисту по сирийской эпиграфике Азе Владимировне Пайковой и известному иранисту Владимиру Ароновичу Лившицу. Во Фрунзе пытается читать надписи на камнях тюрколог Четин Джумагулов, а в Алма-Ате — Владимир Нилович Настич, который уже прочитал нам все арабские надписи на средневековых кайраках Киргизии, разбирается в средневековом персидском языке (фарси), освоил согдийские легенды на тюргешских монетах. Вдруг, думаем, и с этим разберется? И разобрался! Первым прислал свое чтение надписей, но пока сомневается, ждет подтверждения специалистов по сирийским (сиро-тюркским) несторианским надписям.

Ждем ответа от ученых-лингвистов и мы. В. А. Лившиц сообщил, что оба кайрака, если верить проставленным на них датам (и если нет еще каких-либо знаков на камнях), — это очень ранние кайраки и нас, безусловно, можно поздравить с очень интересным открытием! Один из намогильников датируется 1100 годом,

другой—1220 годом по селевкидской эре[2] летосчисления. В переводе на наше летосчисление получается 789 и 909 гг. н. э. Этот древнеиранский календарь сохранялся у сирийцев-несториан еще многие столетия.

На одном из намогильников удалось расшифровать и надпись (которая оказалась трудночитаемой). Эпитафия содержала имя христианки — «Девица Йал-анч».

А. В. Пайкова — исследователь сирийских христиан — с заключением не спешит. Пишет нам, что по стилю и характеру надписи идентичны широко известным чуйским кайракам, найденным еще в конце XIX — начале XX в. на христианских кладбищах городищ Бурана и близ Пишпека, но дата на них — «невозможная». Ждем год, второй, а обещанной научной статьи о кайраках так и нет.

И вдруг звонок из Ленинграда: «Все верно! Это замечательно! В Сирии найдены подобные надписи, и они датируются V—VI вв. Теперь Краснореченские кайраки дают следующее звено — VIII—X вв. Вместе с памятниками Ургута (Самаркандская область) и чуйскими намогильниками XIII—XIV вв. непрерывная несторианская традиция прослеживается на протяжении почти тысячелетия».

Свою статью Аза Владимировна так и не успела нам переслать. Она умерла зимой 1984 года...

А началась история несториан с далекого 431 года, когда на третьем вселенском соборе в Эфесе православная церковь Византии предала проклятию основателя ереси Нестория (жил в 380—440 гг.), проповедовавшего среди христиан свое учение. Несторий различал две природы Иисуса Христа — божественную и че-

---

[2] *Эра Селевка* — летосчисление христиан несторианского толка, начиналось с 312 г. до н. э., со времени основания Селевком I Никатором Селевкидского государства в Персии.

ловеческую, а деву Марию не признавал матерью божьей. В его учении имелись и другие расхождения с канонами христианства. Последователи и приверженцы учения Нестория подверглись преследованиям. Им пришлось бежать из родных краев в поисках пристанища на востоке — у сирийцев и персов. Здесь они основали свою школу и находили поддержку сначала у сасанидских правителей Ирана, а затем и у арабов. Несторианам даже разрешалось иметь свои торговые фактории по трассе караванного пути в Малой Азии. Но вскоре началось разложение внутри самой общины. Часть несториан, гонимых единоверцами и зороастрийцами, запрещавшими «осквернять» землю погребением трупов, с середины VI в. переселялась дальше на восток — вплоть до Китая.

Исследовал распространение христианства в Средней Азии в домонгольский период еще в 1894 году академик Василий Владимирович Бартольд. Труды его и по сей день остаются «настольной книгой» для всех, кто занимается историей и культурой Средней Азии.

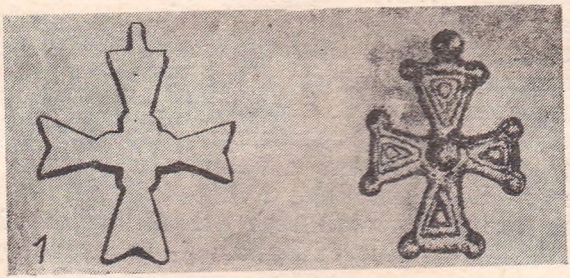

Рис. 20. Бронзовые несторианские кресты.

...Итак, городище на Красной Речке—место находок древнейших несторианских памятников в Средней Азии. Кроме вышеуказанных трех намогильных галек и кирпича, на городище в процессе работы экспедиции было найдено еще три креста: один из нефрита поднят на территории шахристан-1, второй снят нами со скелета женщины, погребенной на городском некрополе. Третий бронзовый крестик передала нам сотрудник Чуйского отряда Киргизской археологической экспедиции Любовь Михайловна Ведутова (из находок 1972 г.). Все они имели характерную конфигурацию так называемого мальтийского креста с расширяющимися в виде раструбов концами. Одна из сторон, как правило, имеет насечки или рельефные валики по краю раструбов. Крестик из раскопа сохранил остатки продетой в ушко веревочки из хлопка, за которую был подвешен. Размер их разный: от 2,7 до 3,8 сантиметров в стороне.

Христианско-несторианское погребение женщины не отличалось ничем особым от других захоронений на некрополе того времени (середина VIII в.). По заключению антрополога Светланы Семеновны Тур, работавшей на раскопе, обнаруженные в могиле кости принадлежали еще молодой женщине (лет 25) с европеоидными чертами лица. Погребена по обряду трупоположения, с вытянутыми вдоль тела руками и слегка согнутыми в коленях ногами (потом кости ног свалились в сторону). Голова женщины при захоронении была положена на подушечку, поэтому в момент раскопок шейные позвонки оказались под челюстью черепа. Сопроводительного материала, кроме креста в области грудной клетки, не найдено. Могила представляла собой обычную грунтовую яму, перекрытую сверху большими прямоугольными сырцовыми кирпичами. Свод обвалился, и кирпичи придавили кости. Подобных захоронений (правда, без крестов) зафиксировано в слое несколько, по-

этому можно предполагать, что это не единственное христианское захоронение на городском некрополе.

В пользу проживания здесь большой христианской общины в VIII—X вв. свидетельствует и местная эпиграфика. В связи с буддийскими находками на городищах Киргизии я упоминала о надписи на большом хуме, который был предназначен в дар государю Алп-Бильге от общины города Пакапа. А вот с Красноречен-ского городища происходит другой подобный хум, и надпись на венчике гласит, что он должен быть преподнесен в дар наставнику христиан (или манихеев?). Хум также был найден в 1940 г. при строительстве здесь ветки Большого Чуйского канала, а надпись расшифрована В. А. Лившицем: «Этот хум предназначен для учителя Йарук-тегина. Мастер Пастун. Пусть будет он (хум) наполненным, аминь, аминь!».

И снова очень содержательный источник сведений о культуре и истории города IX—X вв. (сосуд датирован этим временем). Имя учителя «Йарук-тегин» указывает на его знатное происхождение. «Йарук», «жарык» — по-древнетюркски и по-киргизски—«светлый», «светлейший». «Тегин» — титул, присоединявшийся у древних тюрок VI—VII вв. к именам младших членов каганской семьи и примерно соответствовавший титулу принца королевской семьи. Позднее, в IX—X вв. титул использовался лицами из знатных родов, то есть его значение исторически изменялось, как, например, титул «князь» на Руси.

Князья времен Киевской Руси являлись суверенными государями, периода объединения Русского государства — удельными князьями, и не обязательно из царствующей династии. В дореволюционной России начала XX в. княжеский титул указывал лишь на принадлежность его носителей к высшему дворянскому сословию. Примерно в таком же значении титул «тегин» бытовал

и в IX—X вв. Поэтому имя «Йарук-тегин» можно условно передать в переводе как «Светлый (Светлейший) князь». Характерно, что его тюркское имя сопровождается сирийским термином — званием «учитель», «наставник», бытовавшим в более поздних сиро-тюркских эпитафиях несториан Чуйской долины.

Интересно также, что сосуды — преимущественно хумы — с автографом Пастуна уже трижды встречены на городище. Это свидетельствует о достаточно широком применении письменности в быту. Имеющийся же среднеазиатский материал по согдийской письменности позволяет говорить о том, что уже в VII—VIII вв. существовало определенное школьное образование, обучение писцов искусству каллиграфии. При раскопках Пенджикента был найден хум с начертанной на нем азбукой сог-

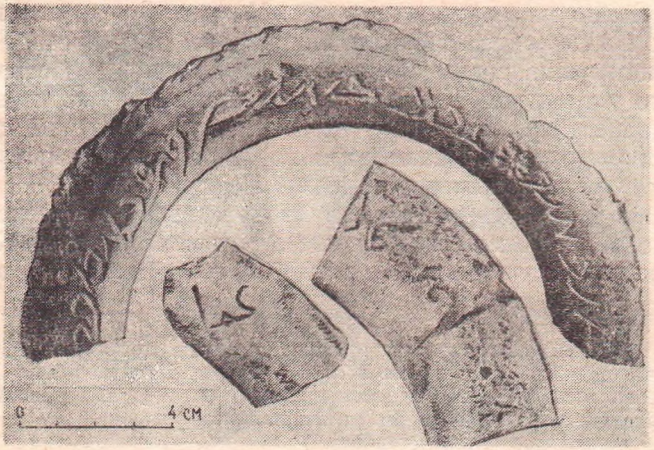

Рис. 21. Согдийские надписи на венчиках хумов — автографы мастеров. IX—X вв.

дийского письма. Эта письменность арамейского[3] происхождения. В раннем средневековье она была курсивной, состояла из 23 букв; некоторые слова передавались идеограммами.

Если намогильные кайраки с эпитафиями содержали сирийские надписи, то надпись на данном хуме свидетельствует о том, что христиане писали еще и посогдийски. С X в. в быт и культуру города интенсивно внедряются арабский язык и фарси. К сожалению, предметов с древнетюркской рунической письменностью[4] на городище пока не найдено, но мы не исключаем такой находки. Ведь христианка «девица Йал-анч», судя по имени, наверняка тюрчанка! А Йарук-тегин — знатный тюрок. Надписи на кайраках эпиграфисты называют сиро-тюркскими не случайно. В них наряду с сирийским алфавитом и сирийскими словами содержатся также тюркские имена и термины. На поздних намогильниках почти всегда проставлялась дата по второму — 12-летнему животному циклу летосчисления, существовавшего у тюркских народов, в том числе и у киргизов, до недавнего времени. Факт применения в городской среде древнетюркского календаря по 12-летнему животному циклу подтверждается археологически.

На Ивановском карьере (разрушенное раннесредневековое поселение в 12 километрах к востоку от Краснореченского городища) в 1983 г. нами поднят осколок

---

[3] *Арамеи* — семитическче племена, выходцы из Аравии, в XIV—XI вв. до н. э. расселившиеся на территории Передней Азии. Арамейское письмо — разновидность древнейшего письма, возникшего в начале I тыс. до н. э. на основе финикийского письма.

[4] *Руническое (древнетюркское) письмо* — возникло на основе согдийского не ранее V в. н. э. и существовало до XI в. Известно еще как «орхоно-енисейское» по месту первых находок памятников с руническими текстами. Имело широкое распространение в VIII—X вв. в Таласской долине.

дастархана — художественно изготовленного глиняного столика. Он в реконструкции имел столешницу диаметром 73 сантиметра и толщину стенок 2—2,3 сантиметра. Край оторочен невысоким бортиком, опущенным вниз, а вместо ножек, как и у большинства дастарханов этого времени, по центру была устроена подставка в виде чаши. Таким образом, керамический столик-дастархан использовался и для разделки теста, и для угощения — достаточно перевернуть его вверх чашей (все равно, что вверх ножками). И эта «гостевая» сторона имела обычно художественное оформление, поскольку столик служил еще и украшением жилища горожанина или юрты кочевника.

На дастархан штампом нанесены изображения животных. Хотя сохранилась лишь четвертая его часть, в реконструкции получается 12 таких штампов, расположенных по кругу стола. На фрагменте представлено два

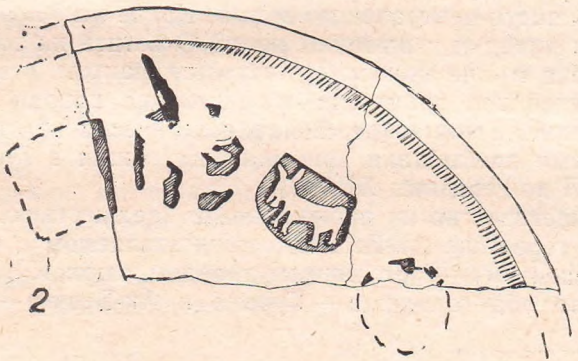

Рис. 22. Фрагмент дастархана. Прорисовка. Ивановское городище. IX—X вв.

изображения: шагающий вправо крылатый лев, морда которого напоминает крупную собаку, и парнокопытное животное — корова, хотя морда ее больше похожа на ослиную (изготовитель штампа не был, по-видимому, первоклассным художником-мастером). Рядом с этими штампами частично сохранились еще два, но изображения на них утрачены.

Город на Красной речке был не единственным местожительством христиан. Несколько памятников XI—XII вв., связанных с пребыванием несториан, дает и Буранинское городище, отождествляемое со средневековой столицей Караханидов[5] — Баласагуном (он же — Куз-Орду. Куз-Балык). Намогильные кайраки XIII—XIV вв. с христианского кладбища Бураны широко известны. Оно находится в 2 километрах (по сообщению старых туркестанцев, в 1,5 версты в сторону гор) от центральных развалин города и его достопримечательности — башни «Бурана». Здесь найдены два несторианских крестика XI в. при раскопках жилого дома в восточной части центрального холма. Какое отношение имели эти находки к жителям дома? Ответить на этот вопрос пока мы не можем. Но остается фактом, что рядом с резиденцией правителя-мусульманина находились и христиане. Таким образом, археологически подтверждено время пребывания христианских общин в Баласагуне с XI до середины XIV в.

Общеизвестно их проживание в предшествующие века на городище Ак-Бешим, отождествляемом с Суябом (Ордукентом) — столичным городом тюрков. Напомню, что оба городища — Бурана и Ак-Бешим — распо-

---

[5] *Караханиды* — досл. «черные ханы», правящая династия в государстве тюрков, названном по династии Карахашидским (940—1212 гг.), сложилось на территории Средней Азии, Казахстана, Восточного Туркестана с центром в Тянь-Шане.

ложены почти впритык к друг другу — настолько близко, что ранее воспринимались как развалины одного большого города, тянувшегося, по свидетельству старых туркестанцев, «в длину с юго-востока на северо-запад верст на 15 и в ширину — верст на 5».

На Ак-Бешиме в 50-х годах проводились большие раскопки Киргизской археолого-этнографической экспедицией под руководством Леонида Романовича Кызласова, ныне профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Наряду с другими объектами им, в частности, была вскрыта христианская церковь VIII в. и несколько десятков захоронений при ней, сходных с краснореченскими. Это было монументальное здание с открытым двором и крытой галереей. Сама церковь находилась в восточной части комплекса, была квадратной в плане и перекрывалась куполом. К ней была пристроена крещельня.

По своей планировке ак-бешимская церковь имела сходство с более ранней, известной под названием Хароба-Кошук в Старом Мерве (современный город Мары в Южном Туркменистане), которая датируется специалистами по церковному зодчеству V—VI вв. В отличие от храмовой архитектуры Ближнего Востока, где была сильна христианская традиция, в Средней Азии сложился особый тип церкви: здесь неф [6] заменен открытым двором.

Правда, пребывание христиан на территории Средней Азии известно и для более раннего времени, чем V—VI вв. Но это были либо проезжавшие, либо проживавшие здесь недолгое время христиане. С VI в. несторианская община имела довольно прочные позиции

---

[6] *Неф* — внутреннее продольное пространство здания, огражденное либо наружными стенами, либо аркадами и столбами.

в крупнейших городах Согда и Хорасана[7] — Самарканде и Мерве. Для VII—VIII вв. письменные источники сообщают о пребывании несторианского митрополита[8] в Кашгаре[9], для X в. — о несторианском монастыре в городе Ургуте, расположенном близ Самарканда. В XII в. уже была учреждена несторианская митрополия Кашгара и Навеката, то есть огромной территории, включавшей области Восточного Туркестана и Северного Притяньшанья. Известно также, что патриарх Тимофей (780—819 гг.) вел активную переписку с тюркскими каганами и сообщал о принятии христианства «царем тюрок» (вероятно, карлукским джабгу[10]), государство которых существовало с 766 по 940 г.

Религия имела большое распространение и в последующие века. Значительные колонии христиан засвидетельствованы неопровержимыми археологическими материалами и в Чуйской долине, и в Иссык-Кульской котловине, и в Центральном Тянь-Шане. Известны существовавшие колонии христиан-армян и даже их монастырь на Иссык-Куле.

Археологические данные дополняются письменными источниками. В энциклопедическом «Сборнике летописей» Рашид ад-дина начала XIV в. упоминается «большое селение Тарсакент» в Чуйской долине (Тарсакент в переводе с персидского буквально означает «христианский город» или «селение христиан»). Оно локализуется в окрестностях города Фрунзе, близ с. Кара-Джи-

---

[7] *Хорасан* — древняя область, включавшая территорию современной Туркменской ССР и Северного Ирана, часть Азербайджанской ССР.

[8] *Митрополит* — духовный сан в христианской церкви.

[9] *Кашгар* — средневековый город на территории Восточного Туркестана, одна из столиц Караханидского каганата.

[10] *Джабгу (ябгу)* — титул верховного правителя в государстве карлуков на Тянь-Шане.

гач, где и поныне находят намогильные гальки с христианскими эпитафиями XIII—XIV вв.

Довольно большие общины несториан-христиан продолжали существовать в XIII в. в ряде городов Восточного Тянь-Шаня и Монголии, включая Каракорум — столицу Монгольской империи. Сведения о них сообщал посол папы римского в Монголии Вильгельм Рубрук, дважды проезжавший в 50-х годах XIII в. по Северному Тянь-Шаню. В городе Каялыке на р. Или он даже посещал их святилище и вел диспут. Там эту религию исповедовало в основном уйгурское городское население, которое исчезло во второй половине XIV в. вместе с запустением и гибелью самих городов.

Тюрки огромный народ...одни из них живут в городах и селениях, а другие — в степях и пустынях...

(Ал-Марвази, XII в.)

V. УТ-ТЕГИН И ДУГДГОНЧА

Выше мы привели только факты культурно-идеологической жизни раннесредневекового города на Красной речке, не затрагивая вопросов экономики и политики.

В этот период тесные экономические контакты обусловили прежде всего постоянное взаимодействие и взаимообогащение культур потомков местных сако-усуньских[1] племен с ираноязычным населением в лице согдийцев и тохаров, выходцами из областей Чача (Ташкентский оазис) и Хорезма, а также с орхоно-алтайскими тюрками[2], переселившимися из Центральной Азии в VI в. н. э.

Неслучайно поэтому в одном и том же археологическом или культурном комплексе встречаются предметы, существовавшие параллельно, но взаимосвязанно. Эту картину отражает и городской некрополь, где отчетливо выделяются могилы местных язычников, тюркские по-

[1] *Саки* — азиатские кочевники, родственные скифам южнорусских степей. Исторически известны три больших союза племен. На Тянь-Шане племенные союзы саков кочевали в VI—III вв. до н. э. *Усуни* — кочевые племена, пришедшие из восточных районов Центральной Азии и частично вытеснившие саков; проживали на территории современной Киргизии и Казахстана во II в. до н. э. — V в. н. э.

[2] *Орхоно-алтайские тюрки* — переселившиеся из Алтая и долины реки Орхон тюркские племена, создавшие в VI в. в Азии и Европе Тюркский каганат, с территорией от Маньчжурии до Причерноморья.

гребения с конем, описанные выше зороастрийские захоронения согдийцев и тохаров, а также сирийских и местных христиан, буддистов (?) и манихеев(?). Это также свидетельствует о том, что домусульманское население долины, осевшее и основавшее города, создает синкретическую культуру, ярко проявившуюся в характере находок с городского некрополя. Согласно письменным источникам, факт проживания буддистов и манихеев в городах известен, но захоронений их пока достоверно не выявлено. Возможно, что представителей этих религиозных общин хоронили отдельно.

Чуйская долина еще долгое время остается этнокультурной областью со смешанным населением. Благодаря именно этому здесь происходит сближение культурно-бытовых традиций, стираются грани между этническими особенностями разных народностей и намечаются общие этнические черты. Особую роль в этом сыграли переселенцы из западных районов Средней Азии. Они основали первые оседло-земледельческие поселения — зародыши будущих городов и участвовали в общем культурном развитии Притяньшанья.

Процессы межэтнической интеграции тюрков и согдийцев зафиксированы в интересном архиве документов, найденном в 1933 г. на горе Муг в Таджикистане, близ Пенджикента. Архив деловых бумаг правителя Пенджикента по имени Деваштич был спрятан от осаждавших город арабов в начале VIII в. Архив полностью разобран, дешифрован, прочитан и прокомментирован иранистами (их еще называют согдологами) — А. А. Фрейманом, В. А. Лившицем, М. Н. Боголюбовым, О. И. Смирновой.

Архив содержит один примечательный документ — так называемый брачный договор, составленный в столице Согда —Самарканде, во вторник, 25 марта 711 г. н. э. Вот как он звучит в переводе: «10-й год царя Тар-

хуна, месяц масвогич, день асманроч. Итак: Взял себе в жены Ут-тегин, второе имя которого Нидан, от навекатского государя Чира, сына Вахзанака, находящуюся под опекой жену, которая зовется Дугдгонча и у которой второе имя Чата, дочь Вйуса. И отдал эту находящуюся под опекой сам Чир,... по закону и на следующем условии: пусть Ут-тегин имеет Чату женой любимой, почитаемой, давая ей пропитание, одежду, украшения, с почетом, с любовью (пусть держит её) в своем доме в качестве полноправной жены — так, как знатный (свободный?) мужчина знатную (свободную?) женщину женой имеет.

И пусть также Чата имеет Ут-тегина мужем любимым, почитаемым, о его благополучии она должна заботиться, его приказ жене она должна считать законом — так, как знатная (свободная?) женщина знатного (свободного?) мужчину мужем имеет...». И так далее.

Условия договора оговаривали юридически равные права мужа и жены при заключении брака, а также на случай развода. Особо отмечаются взаимные обязательства сторон. К брачному договору прилагалось обязательство жениха по отношению к опекуну невесты, согласно которому в случае, если будет иметь место развод, муж должен возвратить жену здоровой и невредимой опекуну, его сыну и роду. В случае невыполнения этого условия он обязывался выплатить тем же лицам 100 драхм [3] (чистого серебра, непорченных, весом в динар [4]) в качестве возмещения.

По брачному договору, обе стороны не несут материальной ответственности друг за друга в двух случаях: ес-

---

[3] *Драхма* — серебряная монета в странах раннесредневекового Востока.

[4] *Динар* — золотая монета в странах средневекового Востока; у монголов — крупная серебряная монета, у тимуридов — медная (XIV—XV вв.).

ли будет совершен противозаконный проступок или если одна из сторон будет взята в качестве раба, заложника, пленного или в качестве зависимого; во втором случае другая сторона считается свободной от брака. Брачный договор касался людей знатных (свободных?) и заключался на условиях равенства обоих супругов.

Город Навекат (или Невакет — по написанию в разных источниках), как точно известно, находился в Чуйской долине. Его название в переводе с согдийского языка означает «Новгород», «Новый город», то есть новый город переселенцев из Согда и других юго-западных областей Средней Азии. Вся она входила до конца VII в. в состав обширного Западно-Тюркского каганата. Города Чуйской долины, как многие другие, в том числе и Согда, сохраняя внутреннее самоуправление, находились под верховной властью тюркских каганов. Некоторые передавались в удельное владение членам каганской династии.

Как раз на рубеже VII—VIII вв. в результате внутренней борьбы в государстве старая династия западнотюркских каганов рода Ашина была свергнута новой из племени тюргешей. По её происхождению государство стало именоваться Тюргешским каганатом. Составление приведенного брачного договора относится ко времени правления второго тюргешского кагана (Сакал-кагана, 706—711 гг.).

Положение «государя Навеката», находившегося в вассальной зависимости от тюргешских каганов, было в то время, однако, еще довольно прочным. Об этом свидетельствует брачный договор.

Жених Ут-тегин, как показывает его имя (титул «тегин» разъяснен нами ранее), являлся тюрком по происхождению, причем высокого ранга. Невеста Дугдгонча была согдиянкой, одной из жен или наложниц навекатского правителя.

Рассматриваемый нами договор приводится с целью иллюстрации смешанных браков между тюрками и согдийцами в городе Навекате Чуйской долины. Интересно также, что лица, заключавшие брак, и присутствующие при этом свидетели имели по два имени — тюркское и согдийское. Это же явление распространялось и на названия некоторых городов Тянь-Шаня. Согдийские города Навекат и Пакап наверняка имели вторые тюркские наименования. Последние, возможно, отражены в письменных источниках, как, например, Харранджуван, Сарыг, Джуль и другие, упомянутые в арабских дорожниках (см. ниже гл. «Новгород в горах Ала-Тоо»).

Браки между правителями, принцами и принцессами разных стран и народов были, как известно в истории, нередким явлением. Они заключались в большинстве случаев по политическим мотивам и не касались этнокультурного взаимодействия, взаимопроникновения в среде их народов. Но погребения на Красной Речке являют нам великолепные примеры довольно многочисленных взаимодействий именно в среде городского населения Притяньшанья, как бы подтверждая вышеописанный брачный договор между тюрком и согдиянкой. Так, в 1983 г. на некрополе нами открыто парное захоронение мужчины и женщины. Оно датируется VII — началом VIII в., т. е. относится к тому же времени, что и брачный договор 711 г. из мугского архива.

Погребенные вместе в одной могиле мужчина и женщина — разной этнической принадлежности. Он — монголоидной расы и, бесспорно, тюрок по происхождению. Ее внешний облик (антропологический тип) европеоидный, т. е. она скорее всего согдиянка. По определению антрополога Светланы Семеновны Тур, мужчине было 55—60 лет, женщине — 23—29 лет.

Определить, были отношения этой пары супружескими или нет, затруднительно. Не исключено, что женщи-

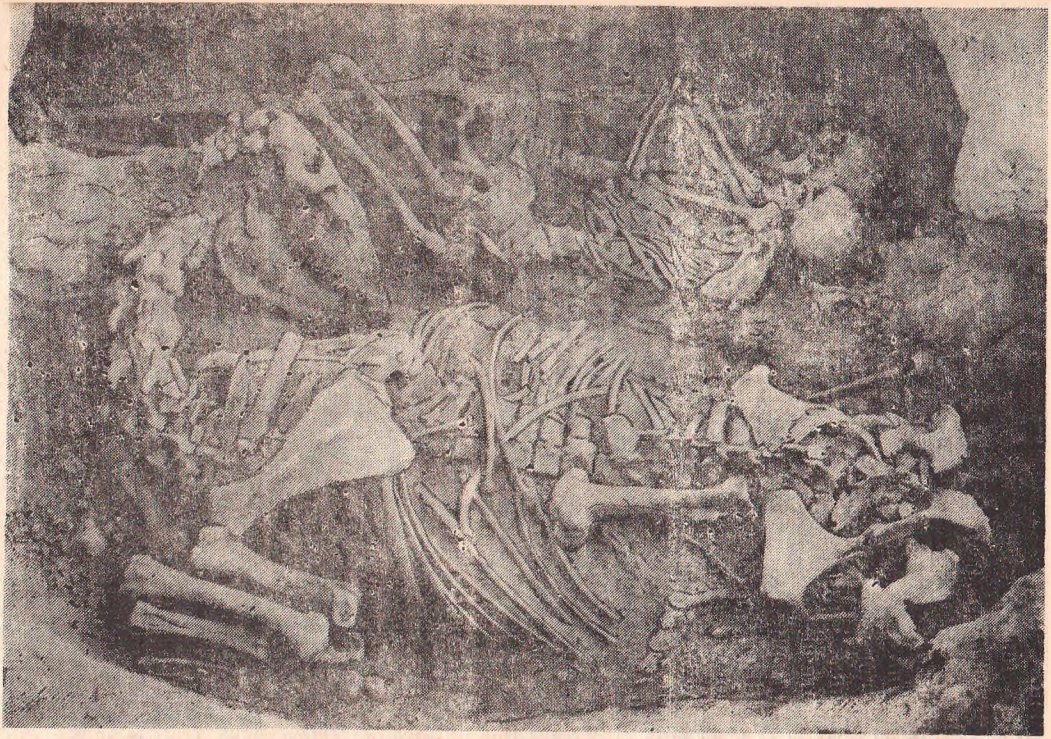

Рис. 23. Тюркское захоронение на краснореченском некрополе. VII — начало VIII в.

на могла быть и наложницей при известном многоженстве у тюрок. Неоспорим, во всяком случае, факт их семейно-бытовой близости!

Поистине сенсационен — без преувеличения — классический тюркский обряд захоронения и сопутствующий инвентарь погребения с конем — не где-нибудь в степи, а в некрополе большого города. Вместе с хозяином был положен конь в полном боевом снаряжении. Очень впечатляет поза погребенных: как и во всех тюркских захоронениях, умершие были положены в подбойную могилу головой на восток, а конь — на приступке — головой на запад (повернутой таким образом, что морда обращена к лику хозяина). У края могильной ямы лежал скелет мужчины в вытянутом положении. С левого бока от него лежали кости женщины. При этом женский череп лежал на плечевых косточках мужского скелета, а конечности женского (в полусогнутом состоянии) лежали на длинных костях мужского. То есть это поза влюбленных, не захотевших разлучаться и на смертном одре.

Конь играл первостепенную роль в хозяйстве и военном деле кочевников-скотоводов. Конный кочевник использовал лошадь при пастьбе всех видов скота, как транспортное средство при перевозке своих юрт и имущества. Лошадиное мясо, молоко составляли главную пищу тюрка-кочевника.

Разнообразны были церемонии жертвоприношений коня при обрядах посвящения в правители и воины, празднествах и захоронениях. Белый конь у тюрков — олицетворение царственной особы, перекликается с переднеазиатскими представлениями о божественной связи правителя и белого коня.

В X в. через земли тюрков проезжал арабский путешественник Ибн Фадлан, который оставил описание об-

ряда заклания коня у огузов[5]. (После переселения из Монголии они проживали первоначально на Северном Тянь-Шане, затем в XI—XII вв. большинство их мигрировало на запад до Каспийского моря). Огузы, после сооружения кургана, в зависимости от зажиточности покойного, убивали одну или несколько и даже сто, двести лошадей. Мясо на тризне съедали, оставляя головы, ноги и хвост со шкурой. Шкуры растягивали на деревянных сооружениях, говоря, что это лошади, на которых умерший поедет в рай.

Об этих же обрядах и особом почитании коня у тюрко-монгольских народов сообщают и другие средневековые авторы. Пережитки его культа прослеживаются до сих пор у многих тюркоязычных народов... Тюркское погребение с конем характеризует переход кочевников к городской жизни, столь непривычной для степняка и воина.

Так по разрозненным фактам ученые воссоздают историческую картину этнокультурного взаимодействия среднеазиатских народов. В VIII—IX и X вв. в городах и селениях Чуйской долины идет активный процесс тюркизации населения. И, наоборот, тюрки приобщаются к оседло-земледельческой культуре ираноязычных народов Средней Азии. Постепенно вырабатывается смешанная тюрко-согдийская терминология, а двуязычие населения городов Северного Тянь-Шаня сохраняется вплоть до конца XI в. Этот факт отмечал уроженец Прииссыккулья Махмуд Кашгарский в своем «Словаре тюркских наречий» («Диван лугат ат-тюрк»): «Жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски. Также жители Тараза и Белого города» (Тараз находился на месте

---

[5] *Огузы* — одно из тюркских племен, обитавших в VIII—IX вв. в Притяньшанье, позднее основали свое государство в низовьях Сырдарьи.

современного Джамбула, «Белый город» — Испиджаб — на месте Чимкента, Баласагун — Бурана).

К XI—XII вв. города Чуйской долины, как и всего Тянь-Шаня, имели уже иное этнокультурное лицо и социальную структуру общества. В какой-то степени это объясняется расширением границ Караханидского каганата, приобщением к общесреднеазиатской культурно-экономической среде в эпоху развитого феодализма. Определенный отпечаток на культуру города наложила идеология средневековья — ислам.

Еще есть ремесленных дел знатоки,
Их кормит уменье искусной руки...
Краса сего мира лишь ими жива,
Все дива вселенной — плод их мастерства.

(Юсуф Баласагунский, XI в.)

VI. ВЕЧНО ЖИВОЕ

Сахарная свекла, завезенная в Чуйскую долину сравнительно недавно, завоевала прочные позиции на полях древнего орошения. Эта техническая культура почти повсеместно перекрыла культуру археологическую. Когда мирабы поливают свеклу, то вода покрывает огромные пространства городища, разрыхляя и постепенно разрушая культурный слой памятника. Иногда вода вымывает предметы из древних жилищ или могил, унося нехитрый скарб в свои «копилки» — на дно арыков в их низовьях. Сотрудники Краснореченского отряда ходят периодически собирать этот «печальный урожай». Много лет помогают нам в этом молодые члены семьи Четверговых — местных любителей старины и друзей нашего отряда.

Такие сборы, наряду с чисто раскопочными материалами, привели к образованию довольно приличной коллекции изделий ювелирного искусства, металлообработки, предметов вооружения, художественной керамики и монет. Каждая из находок (их именуют случайными) получает свой инвентарный номер, условный шифр, зарисовывается, фотографируется, изучается, датируется— и поступает в музей для всеобщего обозрения. И красота-то у них особая — неяркая, со слегка пожухшими красками, налетом перламутровой патины или окиси меди. Именно этот «налет времени» делает их антиквар-

Рис. 24. Керамика согдийских мастеров. VII—VIII вв.

ными вещами, ценными не столько в буквальном, сколько в переносном смысле слова.

Среди изделий ювелиров (а это бусы, серьги, кольца, браслеты, подвески, пуговицы, пряжки — из бронзы, серебра, поделочного камня) находки большой художественной ценности не так часты, как предметы массовой продукции. Находим, конечно, и золото, и серебро, и жемчуг, и коралл, и горный хрусталь. Однако подавляющее большинство этих дорогостоящих изделий туалета, с точки зрения современной модницы, пожалуй, интереса не представляют. Но не для археолога! Иной средневековой снизке разноцветных разновре-

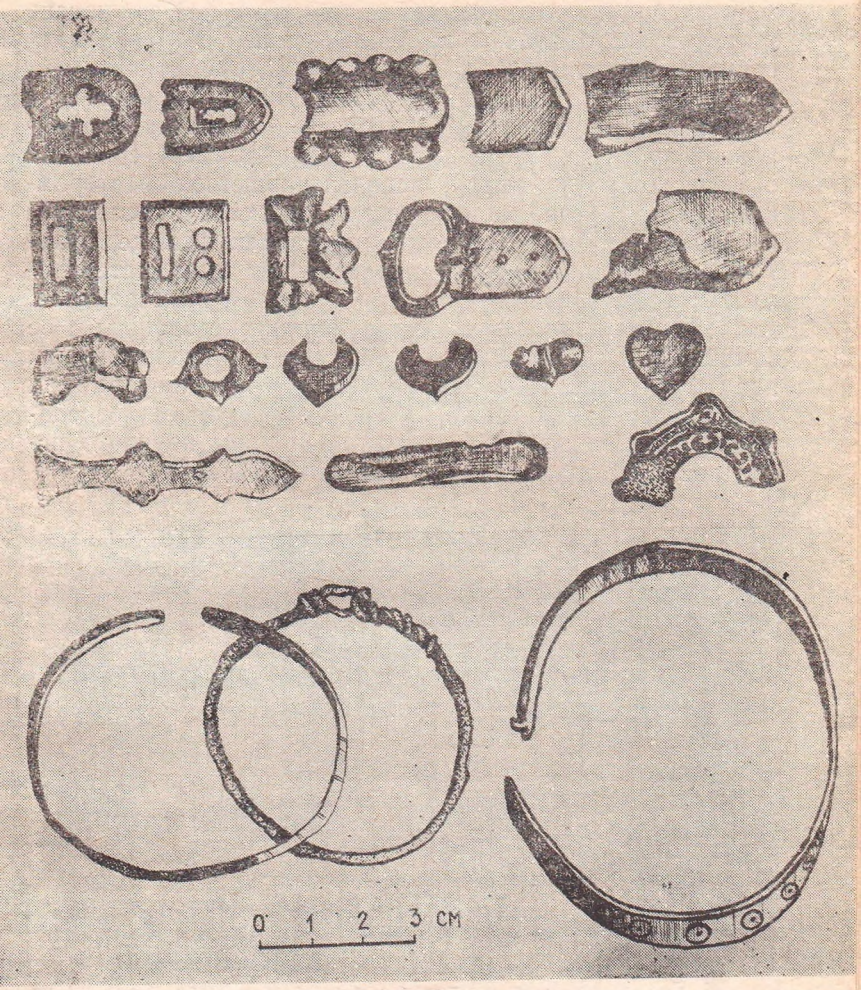

Рис. 25. Бронзовые бляшки и пряжки наборных тюркских поясов. Браслеты. VII—VIII вв.

менных бус просто цены нет — столько в ней заключено информации. Поэтому так тщательно перебираем землю, собирая россыпи бус до мельчайшей горошины, и чем разнообразнее они по составу, материалу, технике изготовления, тем радостнее археологу — историку материальной культуры. Ведь по ним можно извлечь сведения о происхождении сырья, использовавшегося мастером-ювелиром, торгово-экономических связях с отдельными регионами, добыче полезных ископаемых в крае, культурных влияниях — через иконографию художественного предмета, уровне технологии в данном виде ремесла, эстетических запросах и вкусах, характере одежды и ее символике, определенных обрядах и идеологических представлениях. Конечно, почти вся эта информация имеет опосредованный характер, что требует от исследователя тщательной разработки процедуры научного исследования, особенно на уровне интерпретации.

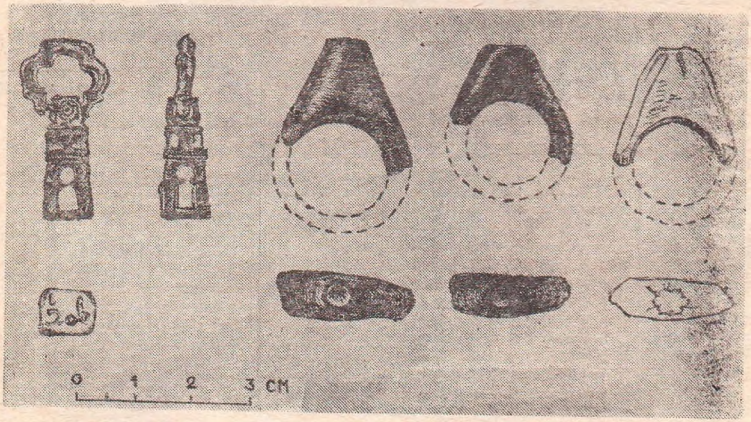

Рис. 26. Бронзовая подвеска-печатка с именем «Умар». Перстни из поделочного камня.

Например, найденную в погребении связку бус, набор металлических изделий, предметов вооружения или сосудов нельзя рассматривать вне связи с погребальным обрядом, который может быть старше идеологии (религиозных учений), отражать представления, истоки которых порой уходят в древнейшие пласты человеческой культуры. В большей степени эти связи прослеживаются в украшениях — бусах, подвесках, амулетах, медальонах, браслетах и пр. Этнографические коллекции женских украшений Средней Азии и Киргизии, в частности, отличаются многообразием форм, конструкций, обусловленных способом ношения, размещения на одежде или голове, руках, груди; несут особое смысловое значение, определяемое, в свою очередь, социальным положением хозяйки украшения, идейно-эстетическими факторами. Отдельные россыпи бус, пластин, кусочков коралла, перламутра, бронзовых бляшек, монет из серебра и бронзы с просверленной дырочкой предполагают существование довольно сложных композиций налобных, височных, нагрудных украшений, сохранявшихся у женщин до недавнего времени: например, изделия киргизских ювелиров, известные как височно-нагрудные украшения из множества подвесок; сложносоставные серьги, где много декоративных деталей, звенящих бубенчиков, листовидных цепочек. В них сочетаются различные материалы: серебро, кораллы, эмаль, бирюза.

Ценность украшения определяли материал и его обработка. Бусины нашивались на одежду, головные уборы, использовались для ожерелий, браслетов, выполняя одновременно и роль амулета-оберега. Разнообразие бус на одной снизке свидетельствует о том, что она собиралась постепенно, пополнялась за счет подарков или покупок, переходила по наследству. Таким образом, бусы могли жить десятилетиями и столетиями, поэтому они не считаются датирующим материалом. Зато эти разно-

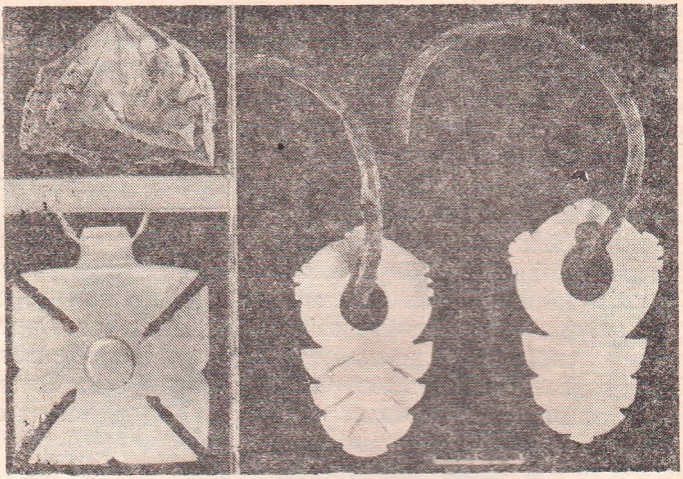

Рис. 27. Изделия из нефрита.

временные горошины говорят нам о том, какой камень был наиболее излюбленным, о преемственности в ювелирном деле, истоки которого кроются в глубине веков, когда каждая из бусинок выполняла роль амулета. Для увеличения магической силы бус их часто вырезали в виде амулетов. Их форме, материалу, цвету, орнаменту приписывалось какое-либо значение.

Наиболее излюбленными были бусы из гагата, сердолика, бирюзы, агата, которые сочетались с золотом или бронзой. Жемчуг, коралл, нефрит, янтарь — привозные изделия (или сырье), хотя нефрит как поделочный камень был излюбленным у населения Тянь-Шаня издревле и мог добываться в горах Ала-Тоо. Ал-Бируни

в своем замечательном трактате «Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)» сообщает, что нефрит имеется и в долине реки Чу. Местный полупрозрачный нефрит имеет белые или серо-зеленые, голубоватые оттенки. Из него вытачивали перстни, браслеты, кольца, подвески. Среди нефритовых поделок с Красной Речки очень эффектны подвески — серьги в виде удлиненных пластин с округленными резными краями. Верхняя часть их имеет отверстие, напоминающее замочную скважину, нижняя вырезана в форме стилизованного листа с двусторонней обработкой косыми уступами. Не менее искусно выточен несторианский крестик из белого нефрита с широкими раструбами, по краям которых показана мелкая насечка.

Весьма излюбленным у горожан был гагат — черный ископаемый уголь со смолистым блеском, как поделочный камень известный широко в Средней и Малой Азии уже с эпохи неолита. Мусульмане из него делают четки. Народ приписывал гагату чудодейственную силу. Ал-Бируни пишет: «Простые люди утверждают, что человек, пораженный «сглазом», избавляется от него, если он имеет при себе расколотый гагат... Поэтому из него делают ожерелья для детей. Носящий гагат может не бояться козней врагов, легко избежит опасности во время землетрясений». Этими же причинами объясняется и любовь населения (особенно тюркского) к кускам янтаря и изделиям из этой смолы, привозимой из Прибалтики. «Причиной их пристрастия к нему, — пишет ал-Бируни, — как они говорят, является только то, что отражает вред дурного глаза». Во всех этих наивных поверьях живы отголоски культов, связанных с обожествлением сил природы, то есть с «...фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отра-

жением, в котором земные силы принимают форму неземных»[1].

Популярными были изделия из кости, в которых также прослеживаются отголоски тотемных культов и почитания животных — собак, баранов, верблюдов, оленей, козлов и т. д. В древности люди из клыков и рогов убитых животных изготовляли ожерелья, подвески-амулеты, веря, что они приносят силу, ловкость, удачу. Впоследствии появились имитации клыков из других материалов, и они также служили талисманами, предохраняющими от болезней и невзгод.

Характерно, что в детских погребениях из некрополя были снизки бус на шее или на руках из семи бусинок, семи зернышек семян и раковин каури. Совпадение? Может быть, хотя... Числа семь, реже четыре, три, девять, считались магическими с древнейших времен. Древнеиранский календарь, библейские сказания о сотворении мира содержат по семь дней недели, по четыре недели в лунном месяце. Семь бессмертных богов олицетворяли дни недели у иранцев, первый из которых — Охрмазд (у Фирдоуси — Ормозд) — был посвящен Ахура-Мазде, следующие шесть — божествам Вахману, Ардвахишту, Шахревару, Спандармату, Хордаду, Амурдаду.

Изучая наскальные рисунки Киргизии, Г. А. Агафонова, например, отметила закономерность в изображениях групп из семи козлов, семи быков и т. д. и объясняет ее длительностью каждой из четырех фаз Луны, количеством видимых звезд Большой Медведицы (символа севера), а также численностью «блуждающих» светил, которые перемещаются относительно звезд и различимы невооруженным глазом: Солнце, Луна, Марс,

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. — Т. 20. — С. 328—329.

Юпитер, Сатурн, Венера, Меркурий. Петроглифы (то есть наскальные рисунки) выбиты в горах Тянь-Шаня значительно раньше, чем оформился и был записан в древнеиранских письменных памятниках календарь, следовательно, истоки его лежат в глубинных пластах индоиранской мифологии. Не случайно археологи пришли к выводу, что наиболее значительные скопления наскальных рисунков в горах и долинах Центральной Азии — это древнейшие святилища, где совершались магические действия в дни весеннего и осеннего равноденствия, пробуждения природы, наступления зимы. Отсюда, по мнению Е. Е. Кузьминой, и идут праздники Науруз и Михраган, оставаясь до сих пор основными календарными торжествами у народов Средней Азии.

К. И. Петров, также посвятивший этому числу специальную статью, отмечает широкое распространение у тюрков (всех тюркоязычных народов) этнонимов и топонимов от этого числительного, сакрально-обрядовое значение которого зарегистрировано, в частности, в древнетюркской письменности VIII в. (памятник Кюль-Тегина), в средневековых источниках о происхождении того или иного народа (например, семиплеменных кимаков Казахстана), в русских летописях (на примере названий отдельных тюркских групп в русских княжествах), в легендах и преданиях разных народов, в том числе киргизов. Сакральное значение числа семь прослеживается в топонимах: Джетысу (Семиречье, хотя рек в этой области значительно больше), Джеты-Огуз («Семь быков» или, возможно, «Семь родов огузов»); со времен средневековья известна область на границе с Ферганой — Хефтдех (персидский термин, употреблен в IX—X вв.) и Джетыкент (по-видимому, та же область, переданная в источниках XIV в.) — то есть «Семь селений». О «магической» и «волшебной» семерке советую почитать статью Б. А. Фролова «По следам одного чис-

ла», опубликованную в популярной серии сборников «Сквозь века», (вып. 1, 1986 г.) по линии издательства «Знание».

Вот какую информацию дают, казалось бы, самые обычные находки украшений.

И еще немного о металлических изделиях ювелиров. Их — масса: от миниатюрных бляшек, проколок, пряжек до огромных блюд, кувшинов, кружек, чаш. Они доходят до нас в коррозированном виде (особенно железо), поэтому нуждаются в дополнительной обработке и чистке, то есть в реставрации. Как правило, мелкие изделия связаны с наборными поясами. Вот уже на протяжении двух с половиной тысячелетий — вплоть до этнографической современности — на огромной территории Евразии наблюдается обычай украшать пояса фигурными пряжками, подвесками, пластинами. Но особенно излюбленными они были у тюрков и согдийцев. По письменным источникам известно, что дихкане[2] Согда (в равной степени и согдийцы в тюркских владениях) одевались в особую одежду и носили золотой пояс (фактически кожаный с золотыми нашитыми бляхами); у тюркской знати иногда было по два пояса на одежде.

Вот как выглядел пояс тюркского воина: в зависимости от знатности его украшали золотые, серебряные или бронзовые бляхи различных форм (квадратные, лировидные, сердцевидные, ажурные, продолговатые), которые крепились к коже, создавая узорный орнамент. Слева к поясу подвешивали оружие, справа — кошельки с застежками, оселок, нож, флакон с благовониями в изящном футляре. Сабли крепились в наклонном положении на двух ремнях, кинжал — впереди. Тюркский воин носил еще один — «стрелковый пояс», к которому крепился лук и колчан со стрелами. Сложными были до-

[2] *Дихкан* — феодал-землевладелец в раннем средневековье.

спехи, изготавливаемые из кож и войлока: оборонительные доспехи состояли из пластинчатого панциря, шлема с бармицей и наушниками, небольшого круглого щита.

Богаты на Краснореченском городище и сборы монет. Нет, это не крупные клады (которые насчитывают порой несколько тысяч монет и хорошо известны для других городищ Киргизии). Имеются в виду разные типы монет. По ним подготовлена В. Н. Настичем специальная публикация, однако детальное изучение краснореченских монет—дело будущего. Ведь для археолога главное — ввести этот материал в научный оборот, сделать его достоянием других специалистов, которые смогли бы использовать монеты в качестве исторического источника.

Нумизматика давно взята историей на вооружение. В монетах заключена такая информация, как год и место выпуска, имя правителя и соправителя (а по серии монет определяются и даты правления того или иного династа). Когда один тип монет заменен другим, это значит, что произошли либо денежная реформа, либо завоевание государства, либо смена правителя и его преемников по престолу. Это очень беспристрастный источник. Порой по одному кладу нумизмат определяет целые этапы и сложнейшие процессы в социально-экономической и политической жизни той или иной страны. Благодаря таким находкам открыты ранее не известные цивилизации, существование которых впоследствии подтверждалось археологически. Именно так произошло с Бактрией и государством Великих Кушан на территории Средней Азии и Афганистана. По монетам были прослежены генеалогические связи и вся иерархия государства Караханидов, история которого неразрывно связана с Тянь-Шанем — родиной этой династии. Можно привести и другие примеры, однако вернемся к краснореченским монетам.

Значительную часть всех найденных на городище монет составляют «тюргешские» или «круга тюргешских» — бронзовые литые монеты с квадратным отверстием, с надписью согдийским письмом на реверсе и изображением тюркской тамги — на аверсе (лицевой стороне монеты), либо с надписями на обеих сторонах. Последние отнесены учеными (В. А. Лившицем и О. И. Смирновой) к «тухусам Семиречья». На все сто процентов чтение «тухусский» нельзя считать установленным, возможны варианты: «тухумский», «вахумский» — по В. Н. Настичу; английский тюрколог Дж. Клосон подобные легенды на монетах Ак-Бешима определил как «токмакский государь» (по-видимому, не без влияния бартольдовских публикаций о местонахождении столицы древних тюрков Семиречья в районе Токмака).

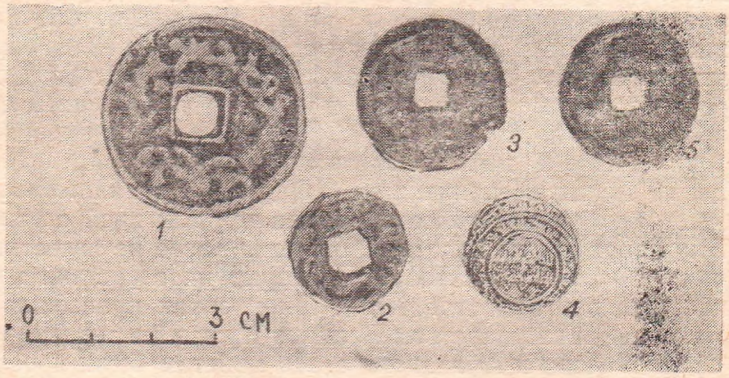

Рис. 28. Монеты: 1 — большая тюргешская с согдийской легендой «Господин тюргеш-каган. Деньга»; 2 — «тухусская»; 3 — караханидские с куфическими легендами; 4 — золотой динар Тахиридов.

Как бы то ни было, монет этого типа больше всего. Логично предположить, что они изготавливались и обращались более всего на местном рынке, возможно, в ставке этого «тухусско-тухумско-вахумского» правителя. Но больше хочется верить в «тухусского», поскольку по письменным источникам известно о расселении одного из тюркских племен с названием «тухус» в окрестностях Суяба. Однако дискуссия продолжается и однозначного мнения по этому вопросу пока нет. Ясно, что на рынке Навеката, как и других раннесредневековых поселений Северной Киргизии, обращались разного типа монеты, из них главенствующее положение занимала тюргешская с надписью «Господин (или Божественный) тюргеш-каган. Деньга». Диаметр их 24—25 миллиметров, вес около или немногим более 5 граммов. Есть монеты тюргешей среднего (до 20—21 миллиметра в диаметре) и малого (14—16 миллиметров в диаметре) размера. Они обращались довольно долгое время, имели хождение вместе с караханидскими вплоть до XI в. Особенно ярко это подтвердилось на примере краснореченской коллекции монет, среди которых нумизматами выделена монета с именем Арслан-Бильга-хакана, по-видимому, представителя правящей династии, предшествовавшей Караханидам (а выше мы говорили о другом правителе с титулом Алп-Бильге).

Любопытные результаты дали наблюдения за технологическими особенностями медных монет XI в. — караханидских фельсов, не менее распространенных, чем тухусско-тюргешские. Будучи в основной массе чеканенными, сами кружки отливались в формах, привычных для монетного дела тюргешей. По типу тюргешских отливалась первая караханидская монета—тот же бронзовый кружок с ободком, та же тамга на аверсе, но вместо согдийской легенды на реверсе помещены куфические арабские надписи. Впервые они выявлены на

Талгарском и Краснореченском городищах, встречаются и на Буране, отождествляемой со столицей Караханидов — Баласагуном.

Таким образом, очень четко прослеживаются традиции в монетном деле на протяжении почти трех столетий, приходящихся на время стабилизации древнетюркской государственности в Семиречье. Монеты Караханидов — это отдельная большая и сложная отрасль восточной нумизматики, которой мы здесь не касаемся.

Понятно, что наряду с местными монетами, коль скоро город стоял на международном торговом пути, особую ценность представляли монеты из драгоценного металла — золотые солиды и динары, серебряные драхмы, дирхемы арабского халифата, китайские, тохаристанские, чачские монеты; при этом главную роль играл вес монет, а не их происхождение. Перечень мест выпуска этих денег свидетельствует о широких торгово-экономических связях купцов средневекового Востока.

Сведения источников о характере внутригородской торговли в Северной Киргизии крайне скудны, упоминаются лишь рынки внутри городских стен или за их пределами — сезонные ярмарки. Гораздо больше сведений о торговле можно почерпнуть из археологических находок, в том числе из вышеописанных изделий мастеров — ювелиров, гончаров, кузнецов, лудильщиков. Предметом купли-продажи были излишки сельскохозяйственной продукции, скот и продукты скотоводства.

...А монеты тюргешей археологи находят и на Алтае, и в Согде, и в Южной Сибири, и Восточном Туркестане, равно как и изделия семиреченских мастеров...

Этот Навекат большой город, оттуда дорога в Барсхан, называемый Баркаб (Ракаб).

(Кудама ибн Джа'фар, начало X в.)

VII. НОВГОРОД В ГОРАХ АЛА-ТОО

Как же все-таки называется этот многоликий и многобожий город на Красной речке? В 1940 году А. Н Бернштам отождествил городище с известным по письменным источникам городом Сарыгом (в переводе с тюркского значит «желтый»). Долгое время это предположение не подвергалось сомнению и с моей стороны, хотя часто вставал такой вопрос: почему же согдийский в основе город носит тюркское имя?

Первоначально поселение должно было иметь ираноязычное (согдийское) название и наиболее подходящим следовало бы считать для него известное по письменным источникам название Навекат — «Новый город» согдийцев в Семиречье, именно в восточной части Чуйской долины. Раньше его определяли в разных местах: у с. Орловка Кеминского района (А. Н. Бернштам), Бурана Чуйского района (В. Д. Городецкий и М. Е. Массон), городище Кысмычи — на правом берегу р. Чу, напротив современного с. Ивановка (К. М. Байпаков). Все эти населенные пункты и городища расположены неподалеку от современного Токмака, где и следовало, по В. В. Бартольду, «искать» Суяб и Навекат.

Навекат уже в VII—VIII вв. упоминается как большое селение и город вместе с другими городами Средней Азии. Если он под таким названием был известен за пределами долины р. Чу и на рубеже VII—VIII вв.

имел своего «государя», который, как следует из брачного договора с горы Муг, находился в родстве с самаркандским тегином, то город действительно должен быть большим. А теперь посмотрите на сравнительную таблицу городищ Чуйской долины и сравните размеры поселений раннесредневековой поры и их датировку. Не правда ли, такими поселениями-городами могли быть только Ак-Бешимские или Краснореченские развалины? Они расположены в восточной части долины, соответствуют размерам раннесредневекового города Средней Азии той поры (для сравнения приводим площадь крупнейших столичных городов княжеств собственно Согда VII—VIII вв.: Самарканд — 65 гектаров, Бухара — 35, Кеш — 40, Термез — 20, Пенджикент — 13—14, Варахша — 19 гектаров). Таким образом, ни Кысмычи, ни поселения у с. Орловка (там совсем нет слоев поселения раннего средневековья) не могут быть Навекатом. Городище Бурана также не имеет слоев VII—VIII и даже IX вв., хотя и было большим, но уже средневековым городом — столицей Караханидского каганата — Баласагуном. Он возник в непосредственной близости от прежней столицы тюрков — Ордукенда-Суяба, вверх по течению горного сая Бурана. В научном мире эта локализация все больше и больше находит подтверждений, а ежегодные археологические исследования на территории музея-заповедника «Бурана» приносят новые тому доказательства.

Зато мои сомнения увеличивались в отношении названия «Сарыг» в процессе археологических исследований на Краснореченском городище и в процессе знакомства с письменными источниками, с исторической топографией городов Средней Азии и, в частности, Чуйской долины. Так ли это? Сверяла дорожники (так называются описания путей и населенных пунктов у арабо- и персоязычных географов) с современными картами, упо-

Сравнительная таблица городищ Чуйской долины поры раннего средневековья

Наименование городищ	Размер центр. развалин	Дата появления и время запустения	Предполагаемое отождествление
Ак-Бешимское	прибл. 1500 х 1200 м	V—VI в. —XI в.	Суяб-Ордукент
Краснореченское	1500 х 800 м	VI—VII—XII вв.	Навекат
Шиш-Тюбе	550 х 500 м	VI—XII вв.	Нузкет
Беловодское	500 х 300 м	VIII—XIII вв.	Харранджуван
Сокулукское	500 х 250 м	VI—XIV вв.	Джуль (Байпаков)
Грозненское	750 х 300 м	IX/X—XII вв.	Сарыг (Байпаков)
Кузнечная крепость	прибл. 500 х 300 м	VII—XI вв.	Джуль (Горячева)
Чумышское	340 х 170 м	VII—X вв.	Столица тюрк. кагана (Байпаков)
Милянфанское	480 х 480 м	VIII—XI вв.	Сарыг (Горячева)
Новопокровское	320 х 300 м	VII—XII вв.	Кирмираy (Байпаков) Пакап-Столица тюрк. кагана (Горячева)
Кысмычи	400 х 300 м	VII—XIII вв.	Бунджикат
Караджигачское	разрушено	IX/X—XIV вв.	Тарсакент
Буранинское	600 х 580 м	X—XIV вв.	Баласагун (Куз-Орду; Куз-Балык)
Ключевское	200 х 160 м	VII—XII вв.	
Александровское	140 х 100 м	VII—XII вв.	
Каиндинское	разрушено	VII—XII вв.	
Степнинское Ак-Тюбе	300 х 250 м	VIII/IX—XII вв.	
Тюлекское	прибл. 300 х 200 м	IX/X—XII вв.	
Сретенское	240 х 220 м	IX/X—XII вв.	
Полтавское	прибл. 300 х 190 м	IX—XII вв.	

минаниями средневековых городов исследователями в области исторической географии, лингвистики, этнотопонимики, фольклористики и т. п. Изучала труды известных востоковедов и археологов: В. В. Бартольда, В. Ф. Минорского, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама, П. Н. Кожемяко — и тех, кто работал в долине до меня, ознакомилась с мнением своих коллег и в конце концов пришла к убеждению, что Красноречeнские развалины принадлежат крупному городу и название его скорее всего — Навекат. Пока это рабочая гипотеза, но в ее пользу имеются существенные доказательства, которые, если читатель внимательно ознакомился с предыдущим текстом этой книги, подтверждают ее.

А теперь давайте представим далекое средневековье и город Навекат по данным средневековых источников.

...Долог путь торгового каравана. Из Багдада через Среднюю Азию — в царство Син (Китай) он идет многими дорогами, преодолевая две великие реки Окс и Яксарт, горные хребты Гиндукуша, Копетдага, Тянь-Шаня, пустыни и голодные степи... Вот уже позади Иран, Хорасан, Тохаристан, Самаркандский Согд, области Шаша, впереди — земли карлуков, чигилей, ягма и других степняков-кочевников, где, однако, имеются процветающие города и селения, центры торговли и ремесла...

Труден путь каравана. Вьючные животные медленно несут свою ношу, а надо успеть к началу ярмарки в Суябе — столичном городе карлукских джабгу в долине реки Суе (Чу). Это место встречи караванов и купцов из многих стран. Здесь надо распродать часть товаров, чтобы легче было преодолевать перевалы Центрального Тянь-Шаня и сохранить особо ценный груз и животных, имевших большой спрос в царстве Син.

На обратном пути в долине реки Суе можно приобрести другие товары для земледельцев западных

районов Средней Азии и Ирана. Большим спросом пользуются у них великолепные сибирские меха, согдийские и китайские шелка, ковры, изящная посуда, породистые кони, скот, тюркское оружие и особенно мускус [1]—ценное благовоние для дворцов великих правителей.

Веками идут по этому пути караваны. И известна эта дорога—из стран Средиземноморья до земель Великого (Восточного) океана — как Великий шелковый путь. У него несколько дорог, но теперь самая оживленная — северная, с тех пор, как освоили здесь земли и основали селения купцы, земледельцы и ремесленники из Самаркандского Согда, Бухары, страны тохаров. Своего рода путеводителем для караванщиков и купцов являлись описания этой дороги буддистом Сюань Цзаном, который прошел путь от Сина до Индии в 630 году. О ней писали еще древнегреческие и римские географы. После Сюань Цзана шли по этому пути арабские и персидские путешественники — географы и чиновники, которые описывали неведомые восточные пределы. Мухаммед бен Муса ал-Хорезми, этот великий ученый Востока начала III века хиджры [2] (конец VIII — середина IX в. европейского летосчисления) указал географические координаты городов.

По запросу «повелителя правоверных» была составлена официальная «Книга путей и государств» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») арабским географом Ибн Хордадбехом. Он написал свой труд в 232 году хиджры (846/47 г. н. э.) по официальным донесениям чи-

---

[1] *Мускус* — пахучее вещество, выделяемое некоторыми породами животных через особые железы; употребляется в парфюмерии.

[2] *Хиджра* — начало летосчисления в исламе. Исходным для него принято считать 1-е число 1-го месяца (мухаррама), то есть 16 июля 622 г. — день переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. Лунный календарь до настоящего времени принят в странах исламского мира, в ноябре 1980 г. вступивших в XV век хиджры.

новников и документам. Книга Ибн Хордадбеха использовалась почти во всех последующих сочинениях средневековых историков и географов.

На службе у халифа[3] находился и Кудама ибн Джа'фар, который создал в IV веке хиджры (первая половина X в.) своего рода административный справочник — «Книгу о земельном налоге» («Китаб ал-харадж»). А замечательный арабский путешественник и представитель классической школы арабской географии ал-Мукаддаси, лично посетивший Среднюю Азию во второй половине X в., делится впечатлениями об увиденном в своем капитальном сочинении под названием «Лучшее разделение для познания климатов» («Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим»). При написании своего труда он использовал сведения своих предшественников, поэтому это наиболее полное и достоверное сочинение.

Очень интересные сведения о стране тюрков оставил в своей записке служивший при дворе сменивших согдийских правителей мусульманских династов из рода Самана (Саманидов) в первой половине X в. Абу-Дулаф. Он много путешествовал, и его весьма содержательные наблюдения очевидца впоследствии использовали другие географы стран мусульманского Востока. В разной степени интересные данные оставили на страницах своих сочинений ал-Бируни, ал-Идриси, ал-Истахри, ас-Сам'ани, Ибн ал-Асир и другие.

Но особо следует отметить труд неизвестного автора «Границы мира» («Худуд ал-'Алам»), написанный в 372 году хиджры (982/83 г. н. э.) для одного из правителей области Гузган. Это сочинение на фарси пользуется большим авторитетом у всех — ученых, путешественников, чиновников.

---

[3] *Халиф* — верховный правитель государства (Арабский халифат), образовавшегося в VII—IX вв. в результате арабских завоеваний; он объединял в своих руках духовную и светскую власть.

Интересные, но несколько противоречивые описания городов дают китайские путешественники и чиновники Танского двора. Они описывают путь в обратном направлении — с востока на запад: от Прозрачного озера (Иссык-Куль) через 100 ли (то есть около 50 км) лежит город на реке Суй-е (Суйап).

Если считать от восточного берега этого озера (его еще именуют Горячим, потому что оно не замерзает зимой), то расстояние до города на реке Суе (или Суе-шу, Суйши) составляет 500 ли (или 250 километров). Прямо на запад от него находится еще несколько десятков городов; в них правят независимые друг от друга старейшины, хотя все подчиняются кагану.

Всю страну от Суе-шу до Кушании китайцы называют Сули (то есть Согд). Они пишут, что «тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду, — поровну». Жители любят виноградное и конопляное вино, айран, выращивают ячмень, пшеницу, рис, горох, просо, бобы...

В 10 ли к западу от Суе-шу находится город, заселенный выходцами из Маймурга (а это область в Согдиане), а еще через 30 ли расположен Новый город. К северу от Суяба и вблизи Навеката, по правую сторону от реки Суй-ши (то есть к северу от р. Чу) есть гора Цзетань: это место, где каган десяти племен обычно назначает вождей. Так повелось здесь с самого начала образования Западно-Тюркского каганата, ввел обычай каган Истеми (умер в 575 году н. э.), который назвал себя «десятиплеменный». Гора Цзетань считалась священной, ей поклонялись тюрки, ее почитали согдийцы. Правда, и тюрки, и согдийцы называли гору (или горы) иначе: Урун-Ардж, Узун-Агач.

Гардизи (персоязычный автор сочинения «Зайн ал-ахбар» — «Украшение известий»), описывая тюркские племена Притяньшанья, тоже пишет о горе в этом районе,

которую очень почитают тюрки, клянутся ею и считают ее местопребыванием всемогущественного божества. Ат-Табари, арабский историк и богослов, описывая военные события 119 года хиджры (737 г. н. э.) и помощь тюркского кагана согдийцам в борьбе с арабами, также сообщает, что у кагана (речь идет о тюргешском правителе Сулу по прозванию Абу Музахим) около Навеката есть «заповедные луг и гора, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны. Протяженность луга — 3 дня пути и горы — 3 дня...».

...Фарсах [4] за фарсахом, один дневной переход [5] за другим. Уже позади «золотой Аргу-Талас» — Тараз, крупнейший город после Испиджаба; пройдены степи Кулана и Аспары (Ашпары), большие селения Нузкет, Харранджуван, Джуль. Далее следует Сарыг, затем в четырех фарсахах от него столица тюркского хакана, затем в двух фарсахах Кирмирау. «От Кирмирау до города Навеката два фарсаха, а это большое селение, и рядом с ним селение, — пишет Кудама ибн Джа'фар (дальше текст в его сочинении испорчен, после лакуны снова текст). — Этот Навекат большой город, оттуда дорога в Барсхан, называемый (или называемая дорога?) Баркаб [6] фарсах (далее снова текст испорчен),...а от Бунджикета до Суяба два фарсаха...».

...А вот и благословенный согдийский город Навекат (или Невакет, как называют его арабы). Ал-Мукаддаси сообщает, что в нем «преобладают неверные, хотя его султан мусульманин...Вокруг него стена, а в ней цитадель, в которой живет дихкан», имевший ти-

---

[4] *Фарсах (фарсанг)* — мера длины у арабов и персов, равная 6—7 км.

[5] Дневной переход (каравана) по арабо- и персоязычным источникам равен **3—4 фарсахам.**

[6] *Ракаб (баркаб)* — досл. с араб. «верховой караван», «процессия».

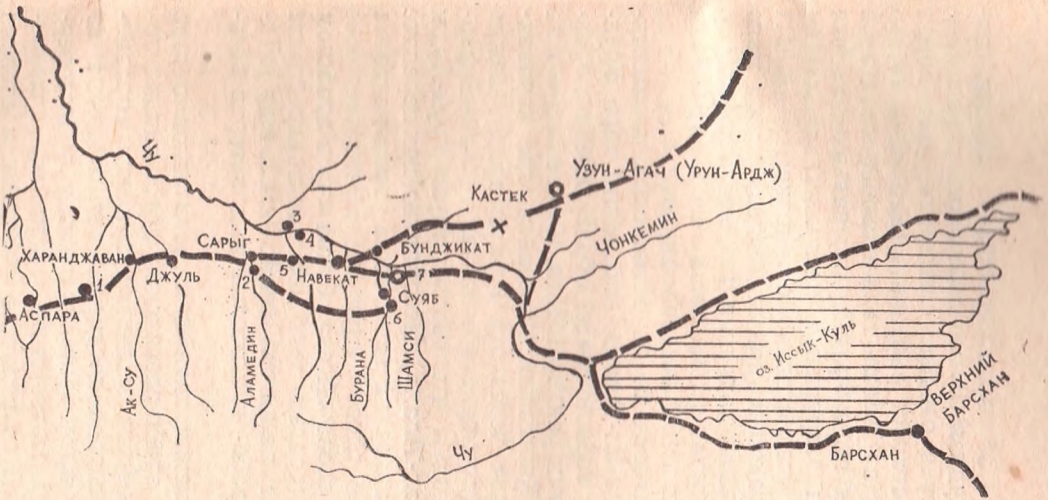

Рис. 29. Трасса средневекового торгового пути (на участке от Аспары до Иссык-Куля—Верхнего Барсхана): 1 — Нузкет, 2 — Тарсакент, 3 — столица тюркского кагана (по К. М. Байпакову), 4 — городище Милянфан; 5 — столица тюркского кагана (по В. Д. Горячевой), 6 — Баласагун; 7 — совр. Токмак.

тул «Ялан-шах», — об этом сообщает «Худуд ал-'Алам» и пишет Гардизи. В переводе с согдийского языка Ялан-шах дословно означает «Царь героев». Город при военной опасности мог выставить гвардию в 20 тысяч воинов. «Худуд ал-'Алам» также сообщает, что он «расположен вблизи горы Урун-Ардж, раньше это был город, но теперь он разрушен и (служит) убежищем для воров. Нуикат (так сказано в источнике. — *В. Г.*) является местом остановки (при переездах), в нем мало шатров, принадлежащих халлухам (то есть карлукам)». По ал-Хорезми, Навекат расположен географически на 44° северной широты и 104° восточной долготы...

Известный востоковед В. Ф. Минорский, комментируя сведения «Худуд ал-'Алам», писал, что гора Урун-Ардж соответствует горной гряде, образующей водораздел между бассейнами рек Чу и Или, и отмечал, что на восточной окраине Кастекского перевала, где караванная дорога переходит через эту горную гряду, лежит селение Узун-Агач (по-тюркски означает «длинный фарсах, длинный переход»), что соответствует Урун-Ардж (указан в «Худуд ал-'Алам»). Несомненно, при передаче этого топонима на арабский язык была утрачена точка над буквой «зал» и слово Узун стало читаться как Урун; при передаче слова «Агач» буква «ч» в арабском звучит как «дж» (сравни арабское написание: река Джу вместо Чу; племя джигиль вместо чигиль и др.). Такие искажения у арабо- и персоязычных авторов весьма часты.

Сравнивая сообщения китайских источников о горе (горах) Цзетань и арабо-персидских дорожников и географов о горе Узун-Агач, еще раз критически соразмерив расстояния от города до города, от городища до городища, невольно приходишь к выводу о достоверности источников, их соответствии с данными археологии. До наших дней сохранились легенды и отзвуки

почитания горной гряды близ Токмака. Старожилы называют ее «Колдун-гора», рассказывают, что исстари поклонялись ей киргизы, прося у Тенгри и Умай (божества неба и плодородия у тюркоязычных народов) живительной влаги для полей и пастбищ. Если хотя бы верхушка горы покрывалась облачком — значит, услышана их молитва — быть дождю. Великолепными травами и кустарниками славится и вся Кеминская долина; юго-западные отроги гор выходят к современному Токмаку, близ которого и локализуются города Суяб и Навекат. Неподалеку расположен и Узун-Агач, до настоящего времени сохранившийся в топонимике. Местность вошла в историю освободительной борьбы киргизов и казахов. В «Тарих-и Шахрухи» Муллы Нийаз-Мухаммада Хоканди приводится рассказ о походе кокандских войск на крепости Пишпек и Узун-Агач в октябре 1860 года. Другой историк Кокандского ханства — Тюря Ходжа, сын Зия ад-дина Ходжа Андижани, описывая тот же поход к Узун-Агачу, упоминает и развалины былых городов в «округе Чуй»...

А замечательна эта крепость тем, что в бою под Узун-Агачем кокандские войска потерпели поражение и последующий их поход отсюда на Уч-Алматы (совр. г. Алма-Ата) закончился полной неудачей. В те времена дороги, ныне известной как алма-атинский тракт, еще не было. И в Алма-Ату, и на северный берег Иссык-Куля дорога шла через Кастекский перевал (к которому и вела прямая дорога из Навеката), проходя западнее Токмака, о чем писали в свое время и В. В. Бартольд, и М. Е. Массон, и другие старые туркестанцы.

Вот так, по крупицам собирая сведения о городах Чуйской долины по данным средневековых источников, по трудам советских и зарубежных нумизматов, лингвистов и археологов, сравнивая их с данными исторической топографии и находками с Краснореченского горо-

дища, я (а вместе со мной и К. М. Байпаков) пришла к выводу о тождестве Навекат—Красная речка. Об этом нами было сделано научное сообщение на Всесоюзной конференции по культуре и искусству Киргизии (июнь 1983 г., г. Ленинград). Это отождествление предложено в четвертом издании «Истории Киргизской ССР, с древнейших времен до наших дней» (Фрунзе: Кыргызстан, 1984. Том. 1), в монографии К. М. Байпакова «Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья» (Алма-Ата: Наука, 1986).

Впереди новые открытия, которые дополнят или опровергнут наши выводы и наблюдения. Собственно город пока не раскапывался, чтобы по стратиграфии можно было проследить его запустение в первой половине (или даже с конца) IX в., как об этом пишет ал-Мукаддаси для Навеката. Раскопки же городского некрополя показали, что культурных напластований этого времени нет, и вокруг него жизнь начинается лишь с конца X или начала XI века — строятся усадьбы, мастерские и винохранилища горожан уже нового — караханидского этапа в истории развития Навеката (Невакета).

Список использованной и рекомендуемой литературы

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. — М.: Политиздат, 1986.

Агафонова Г. А. Когда боги были на земле. — Фрунзе: Кыргызстан, 1981.

Авдусин Д. А. Археология СССР. — М.: Высшая школа, 1977.

Айтматов Ч. И дольше века длится день. — Фрунзе: Кыргызстан, 1983.

Байпаков К. М., Горячева В. Д. Некоторые итоги и перспективы изучения средневековых городов Чуйской долины // Из истории дореволюционного Киргизстана. — Фрунзе: Илим, 1983.

Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. — Алма-Ата: Наука, 1986.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. 2. Ч. 1. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Соч. Т. 2. Ч. 2.—М.: Изд-во восточной литературы, 1964.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья (Верный, 1883) // Соч. Т. 2. Ч. 1. — М., 1963.

Баялиева Т. Дж. Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. — Фрунзе: Илим, 1981.

Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пенджикентских храмов // Живопись древнего Пенджикента. — М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средневековье). — М.: Наука, 1976.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. — Л.: Наука, 1973.

Бернштам А. Н. Историко-археологический очерк Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. № 26. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — Советская археология. — 1949. — № 11.

Борисов А. Я. Сирийская надпись на сосуде из Тараза // Изв. АН КазССР. Вып. 1. (Сер. археологическая). — Алма-Ата, 1948.
Васильев Л. С. История религий Востока (Религиозно-культурные традиции и общество). — М.: Высшая школа, 1983.
Волин С. (Л.) Сведения арабских источников IX—XIV веков о долине реки Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8. — Алма-Ата: Наука, 1960.
Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмом кхароштхи и брахми из Советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии. — М.: Наука, 1983.
Воронина В. Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии // Советская археология. — 1960. — № 3.
Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан): Научно-популярный очерк. — Фрунзе: Илим, 1983.
Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. — М.: Наука, 1980.
Даркевич В. П., Маршак Б. И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // Советская археология. — 1974. — № 2.
Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). — М.: Наука, 1982.
Дьяконова Н. В. Иранские божества в буддийском пантеоне Центральной Азии // История и культура Центральной Азии.—М.: Наука, 1983.
Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН КазССР. Вып. 3(14) (Сер. ист., археол. и этногр.). — Алма-Ата, 1960.
История Киргизской ССР, с древнейших времен до наших дней. 4-е изд. Т. 1. — Фрунзе: Кыргызстан, 1984.
Караев О. История Караханидского каганата.—Фрунзе: Илим, 1983.
Карпини Иоан де Плано. История Монголов. *Рубрук Вильгельм.* Путешествие в восточные страны / Пер. и прим. Маленна. — СПб., 1911.
Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964.
Кляшторный С. Г. Согдийцы в Семиречье // Советская археология. — 1972. — № 1.
Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе, 1959.
Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. — Фрунзе: Илим, 1967.

Коковцев П. К. К сиро-тюркской эпиграфике Семиречья // Известия Императорской Академии наук. Серия 6. Т. 8. — СПб., 1909.
Кошеленко Г. А., Оразов О. О погребальном культе в Маргиане в парфянское время // Вестник древней истории. — 1965.—№ 4.
Крывелев А. И. Ленин о религии. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.
Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. — М.: Наука, 1977.
Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. — М.: Наука, 1959.
Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. // История и культура народов Средней Азии. — М.: Наука, 1976.
Лившиц В. А. Первая согдийская азбука // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: Тезисы докладов 2-й научной сессии Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР. — М.: Наука, 1966.
Лившиц В. А. Согдийцы в Семиречье // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: 15-я годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. — М.: Наука, 1981.
Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа: Архитектура. Живопись. Скульптура. — М.: Наука, 1971.
Литвинский Б. А. Буддизм и среднеазиатская цивилизация // Индийская культура и буддизм. — М.: Наука, 1972.
Литвинский Б. А. Буддийский храм Калан-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. — М.: Наука, 1983.
Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаншах: Культура и связи Кушанской Бактрии. — М.: Наука, 1983.
Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. — Л.: Наука. Главная ред. восточной литературы, 1969.
Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийцы в Семиречье // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Вып. 1. — Л.: Наука, 1983.
Маршак Б. И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Тезисы докладов. Культурные взаимосвязи Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. — М.: Наука, 1981.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). — Л.: Наука, 1976.
Массон В. М. Согдийская эпоха и культурная интеграция // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. — Л.: Наука, 1979.
Массон М. Е., Горячева В. Д. Бурана. История изучения городища и его архитектурных памятников. — Фрунзе: Илим, 1985.
Массон М. Е. Происхождение двух несторианских галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. № 10. — Ташкент: Фан, 1978.
Материалы по истории киргизов и Киргизии. — М.: Наука, 1973.
Мокрынин В. П. Экономические и культурно-политические связи Киргизстана с Западом в раннем средневековье: Автореф. дис.... канд. ист. наук. — Фрунзе, 1971.
Мокрынин В. П. Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате ал-Бируни // Киргизия при Караханидах. — Фрунзе: Илим, 1983.
Негматов Н. Н. и др. Средневековый Шахристан. — Душанбе: Дониш, 1963.
Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. — М.: Наука, 1966.
Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). — Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1966.
О религии: Хрестоматия. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1963.
Памятники культуры и искусства Киргизии: Каталог выставки. — Л.: Искусство, 1983.
Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI—начала XIII в. — Фрунзе: Илим, 1981.
Петров К. И. Тюркские средневековые этнотопонимы от числительного *семь* (к происхождению топонима Джеты-суу — Семиречье) // Ономастика Средней Азии. — Фрунзе: Илим, 1980.
Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. — М.: Наука, 1979.
Плетнева С. А. Кочевники средневековья. — М.: Наука, 1982.
Потапов А. А. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. — Вестник древней истории. — 1938. — № 2(3).
Поярков Ф. Из области киргизских верований. — Этнографическое обозрение. Кн. 9. — СПб., 1891.
Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана // Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 2. — Ашхабад, 1949.
Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии: Древность и средневековье. — М., 1982.
Проблемы абсолютного датирования в археологии / Под общей ред. Б. А. Колчина. — М.: Наука, 1972.

Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (Оссуарии). — М.: Наука, 1971.
Распопова В. И. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — 1970. — № 122.
Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 69. — М.: Л., 1957.
Ремпель Л. И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши (К вопросу о природе согдийского искусства) // Средняя Азия в древности и средневековье. — М.: Наука, 1977.
Рыбаков Б. А. Гуманитарии в эпоху НТР // Наука и жизнь. — 1972. — № 3.
Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. — М.: Наука, 1970.
Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2: Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица. — М.: Наука, 1962.
Слуцкий С. С. К семиреченским несторианским надписям // Древности Восточные. Т. 1. Вып. 2. — М., 1891.
Солнцев В. М. Буддизм и буддология // Наука и религия.—1980.— № 1.
Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. 2: Материалы и исследования по археологии СССР.— № 37. — М.; Л., 1953.
Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры: — М.: Наука, 1977.
Чуйская долина: Труды Семиреченской археологической экспедиции //Материалы и исследования по археологии СССР. № 14.— М.; Л., 1950.
Филанович М. И. Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. — Ташкент: Фан, 1983.
Фрай Р. Наследие Ирана. — М.: Наука, 1972.
Шефер Э. Золотые персики Самарканда. — М.: Наука, 1981.
Шишкин В. А. Варахша. — Ташкент: Фан, 1963.
Шкода В. Г. Об одной группе среднеазиатских алтарей огня V—VIII веков // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. — Л.: Искусство, 1985.
Якубин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздакхана. — Ташкент: Фан, 1970.
Grenet F. Les pratiques funeraires dans l'Asie Centrale Sedentaire de la conquete Grécque a l'Islamisation / Centre Nationale de la

Recherche Scientifique. Centre de rechrches Archéologiques. Publications de l'URA, 29. Memoire. — N 1. — Peris, 1984.

Boyce Mary. Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices. Routledge and Kegan Paul. — London, 1979.

Gorjaceva V. D. La pratique des sépultures en naus dan le Sémiretchié (d'aprés les fouilles de la nécropole de Krasnorecenskoe) // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale Préislamique / Sous la direction de Frantz Grenet. — Paris, 1987.

Hudud al-'Aiam. «The Regions of the World»: A Persian Geography cicra 372 A. H. — 982 A. D. / Transl. and explained by V. Minorsky. — London, 1937.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
I. Город Золотого верблюда . . . 11
II. Город мертвых 28
III. Будды и боддисатвы 48
IV. Девица Йал-анч и Георгий . . . 62
V. Ут-тегин и Дугдгонча 76
VI. Вечно живое 85
VII. Новгород в горах Ала-Тоо . . . 99
Список использованной
и рекомендуемой литературы 111

Горячева Валентина Дмитриевна

ГОРОД ЗОЛОТОГО ВЕРБЛЮДА

Редактор издательства *Т. Ф. Зайкова.* Обложка художника *В. Ф. Роека.* Технический редактор *Р. Р. Хусаинова.* Корректор *Г. А. Токоева.* ИБ № 1582. Сдано в набор 18.05.87. Подписано к печати 22.03.88. Д—01151. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Высокая печать. Литературная гарнитура. Объем 5,08 усл. п. л., 5,04 уч.-изд. л. Тираж 3000 экз. Цена 50 коп. Заказ 134. Издательство «Илим». 720071, Фрунзе, Ленинский проспект, 265 а. Типография АН Киргизской ССР, 720001, Фрунзе, ул. Пушкина, 144.

Цена 50 коп.

ФРУНЗЕ «ИЛИМ» 1988

